Funken Schlag
УДАР И ИСКРЫ

Синяя Кука

Логово коричневого огня

Книга первая

Удар искры

Синяя Кука

Логово коричневого огня. Книга первая

«Издание книг.ком»
2026

УДК 82-93
ББК 83.8

Кука С.

Логово коричневого огня. Книга первая / С. Кука — «Издание книг.ком», 2026 — (Удар искры)

ISBN 978-5-907927-74-2

Это был пустяковый детский поход в окрестностях родного провинциального городишки… Трое неразлучных друзей не могут просто пройти мимо, не сунув свои любопытные носы в сырые развалины ветхого кирпичного строения, скрытого от глаз дремучими Темнонежетиевскими лесами… Случайно обнаруженная стеклянная окалина с замершим загадочным отпечатком невольно вынуждает их стать частью опасной шпионской игры, правила которой уже давно написаны… Но кем? Лишь эхо догадок о смысле расплавленного песка пытается поставить точку в их мозговом штурме, как из ниоткуда появляется черный немецкий солдат, словно сошедший со страниц книг о Великой Отечественной войне. Что это – страшный сон, пробой временной петли, костюмированное представление или… он поджидал их? Чье прошлое незаметно подбросило им клубок этого запутанного и совсем не детского приключения? По силам ли современным детям без электронных гаджетов и интернета тягаться с переплетением древних загадок и смертельных ловушек темного ученого «Наследия предков»? Так сдаться и биться до последнего? На что способен острый детский ум, техническая смекалка и крепкая дружба в схватке с невозможным? Держитесь крепче – ответы могут быть спрятаны далеко за пределами нашей Великой страны и времени. Встречайте динамичный многосерийный научно-приключенческий djent-триллер «Удар Искры», иллюстрированный в лучших традициях Советского времени. На подходе: Удар Искры «Треугольник зла», ибо история только начинается!

УДК 82-93
ББК 83.8

ISBN 978-5-907927-74-2

© Кука С., 2026
© Издание книг.ком, 2026

Содержание

Пролог 7
Часть I 12
Глава 1 12
Глава 2 17
Глава 3 18
Глава 4 23
Глава 5 27
Глава 6 32
Глава 7 34
Глава 8 37
Глава 9 42
Глава 10 46
Глава 11 50
Глава 12 55
Глава 13 58
Глава 14 64
Конец ознакомительного фрагмента. 69

Синяя Кука
Логово коричневого огня. Книга первая

«Поначалу вам будет казаться, что всё происходящее – это просто вода, но помните: у любой воды всегда есть свой круговорот…»
Синяя Кука

© Синяя Кука, 2026
© «Издание книг.ком», о-макет, 2026

Аудио-промо

Пролог

Со своими закадычными друзьями – братьями Дусей и Адиком – Чозик был неразлучен с детского сада.

Но тогда они все еще были просто Тёма, Федя и Ромик. С той самой истории и завязалась их крепкая дружба. Перед глазами полетел калейдоскоп картинок последнего детсадовского лета…

Как-то после музыки Чозик побежал отдавать ключ от актового зала вахтерше и, возвращая на гвоздик, случайно уронил… Ему бросился помогать несуразный пухлый мальчик из группы «*Солнечные Лучата*». Кто такие эти «Лучата», Чозик не знал, но этот парнишка точно жил на его улице в доме неподалеку.

– Ты чего тут мнешься?

– Повинность отбываю, – грустно ответил тот. – Насобирал в коробочку июньских жуков, ну и капнул на каждого капельку валерьянки… Потом выпустил в группе, когда из пищеблока заглянула кошка с тремя котятами. Еще радовался, дурак, что раньше старшего брата успею на практике проверить папины слова. Короче, там такое началось!

Он затряс головой, закрыв лицо.

– …горшки с цветами, шторы с карнизами, светильники, пальма, стенд с поделками. Ракету помнишь, такая красивая стояла почти до потолка? Как будто взорвалась на стартовом столе…

– Ничёсеее! – удивился Чозик. – Знаешь, я как-то ириску кошке под хвост приклеил, так она на заднице весь ковер изъездила. Там полосы были, будто следы от колес реактивных самолетов. В общем, за тот «аэродром» я так получил от родителей. Но ты, ты еще круче придумал!

– Кто попался, тот не крут. Теперь мы вдвоем с отцом убираемся, пока все на прогулке. Его аж с работы вызвали. Хорошо, мама пока ничего не знает… но, видимо, скоро узнает.

Ковыряясь в пыли, они обменялись еще парочкой дельных советов, как вдруг увидели «его» – тот, другой, ключ, кем-то давным-давно потерянный. Бегая глазами по стертой бирке, Чозик смог прочитать по слогам «Пи-ще-ра Чер-но-го». На тот момент он еще неуверенно складывал слоги и читал с ошибками, но здесь было все однозначно! Сердца новых друзей, застучав, набрали обороты.

– Я помогу тебе с уборкой, но на твоего брата можно положиться? Мужик крепкий? Упырей там, всяких духов не испугается?

– Ого, мне еще никогда никто не предлагал помочь… – вдруг спохватился он. – Каких еще упырей?!

– А ты думал, в пещерах кто живет? Они просто так там не селятся! Ну так как?

– Что упало, то пропало, – шмыгнул носом Дуся, пожав руку новому другу.

С таинственной находкой они бросились обратно.

В течение последующих нескольких дней троица незаметно для воспиталок и нянечек искала ту самую заветную замочную скважину. Под конец отчаявшись, Дуся предложил примериться к замку́ «запретной территории». Когда ключ провернулся, мальчишки, переглянувшись, тут же проголосовали за дату начала операции.

– Немедленно!

– Прекрасно, воздержавшихся нет.

* * *

«Запретная территория» вплотную примыкала к забору детского сада. Всё как полагается: сетка с колючей проволокой, таблички с черепами и молниями. Всегда укрытая непроницаемым шатром кленовых листьев. Там странным образом никогда никто не появлялся.

Несясь в сандалиях за девчонками и пугая их червяками, они втроём, незаметно кивнув друг другу, по-шпионски шмыгнули за цветущие кусты сирени. С этого момента их тайная операция началась! От секретности аж уши заложило.

Последний раз выглянув за угол и убедившись, что их не хватились, они вынырнули на небольшой площадке, усыпанной влажной прошлогодней листвой. В стороне, под небольшим навесом, располагалась лестница, уходившая под землю.

На написанной от руки табличке были выведены странные слова: «*Если не нужна справка о смерти, заходи!*».

– Такое пишут, когда пытаются скрыть что-то очень важное, например, секретное изобретение! Поэтому, если нас поймают, мне хуже всех будет: скорее всего, отчислят из первоклашек, – предсмертным тоном произнес Адик. – Придется идти работать на завод мастером. Потом меня сам директор вызовет и скажет, мол, пора тебе, сынок, прислушаться к зову собственного сердца! Так я окажусь в разведке. Там год за пять идет. Два года отработаю под пулями, и школа будет уже не нужна. Разведчику как раз маленький рост важен, чтобы за шпионами следить было проще. Конечно же, сначала медаль дадут, но потом обязательно орден…

– Ааа… как же мы? – спросил Чозик. – Можно нам стать твоими помощниками?

– Не. Вы еще несовершеннолетние, у вас даже трудовой книжки пока нет. Немного в углу постоите, и вас простят, а мне… Мне на очередное смертельное задание нужно будет отправляться…

Его слова звучали так по-взрослому, что мгновенно впитывались в незрелые детские извилины. Теперь фурор в тихий час был обеспечен, однако дома реакция могла быть не столь однозначной…

Если по неосторожности ляпнуть за ужином что-то примерно из той серии или повторить какое прилипшее неизвестное слово, то впоследствии могла подняться такая буря, что вся семья, хватаясь за сердце, приговаривала:

«А ведь рос таким приличным мальчиком, что же такими темпами дальше-то будет?!»

Мама дрожащими руками начнет капать себе в чашку вонючие бабушкины капли, наматывая на голову мокрое полотенце. Папа, вообще не церемонясь, замажет рот аджикой, чтобы неповадно было повторять за другими всякие глупости.

И тогда всё… Начинали течь горькие слезы, губы и язык горели пламенем, а вместе с ними из головы стирались словечки и все запомненные наизусть плохие стишки…

Тем временем ребята спускались мелкими шажками, чтобы не поскользнуться на сыром бетоне. Адик, шедший первым, внезапно вскрикнул. Из дыры злобными глазами на них поглядывала здоровенная серая крысяка. Перестав скрежетать, она медленно выползла к ним, чиркая когтями. Вдруг позади упал кусок хлеба. Поворотив нос и еще раз глянув на незваных гостей, она потащила добычу в нору.

– Смотрите! Щеколда сдвинута в сторону, и замка почему-то нет!

– Может, просто закроем на гвоздь и пойдем обратно? – заныл вдруг Дуся.

– Закроет подземелье на обратном пути тот, кто останется в живых!

После этих слов очень захотелось к маме…

* * *

Они аккуратно толкнули грязную дверь, висевшую на разболтанных петлях, и зияющая тьма уставилась на них, приглашая заглянуть в гости. Неизвестность и жуткий страх по одну сторону лежали на весах детского воображения, никак не приходя в равновесие с предполагаемыми сокровищами.

Фонарики у всех были наготове. Изнутри пахнуло тяжелым плесневелым воздухом. Без вентиляции на стенах дрожали крупные капли грязного конденсата. Стекловата с обрывками термофольги свисала с потолочных и настенных креплений ржавых водопроводных труб. Сразу у входа кто-то свалил кучу лежалого рубероида.

На цыпочках обойдя препятствие, они продолжали путь по темному коридору вглубь. Лучи выхватывали из тьмы странные детали окружения: панцирные детские кроватки, провода и ряды пустых запылившихся бутылок.

Они постепенно углублялись, и свободного пространства становилось все меньше. Кривые железяки, мотки проволоки то и дело норовили уцепиться за одежду своими острыми коготками.

Но вот экспедиция добралась до просторного отсека, похожего на комнату. На гвозде справа висела чья-то грязная одежда с изорванными локтями. Из зацепов ткани наружу торчали куски серой стеганой ваты. Здесь же рядом валялись огромные резиновые перчатки и странные черные очки, через которые не проходил свет фонарика. Резко осмелев, Дуся решил напялить всё на себя, прикинувшись привидением. Забравшись внутрь безразмерной одежки, ее рукава безвольно потащились по полу, оказавшись больше рук почти вдвое. Осветив фонариком брата с ног до головы, Адик вдруг махнул рукой.

– Оба-на-а-а-а, смотрите! Что это там, наверхууу?

Ребята одновременно повернули головы, и три луча скрестились в одной точке. В узком пространстве между трубами было заткнуто что-то объемное, но его никак не удавалось рассмотреть.

– А как вам такое?! Вдруг это игрушки, которые не достались нескольким десяткам поколений детей, которые уже выросли и даже состарились? – возбужденно произнес Дуся со знанием дела.

– Может, ты и прав, – протянул брат. – Папа с мамой так всегда делают перед Новым годом или днем рождения. Думают, мы в жизни не достанем, но мы-то бывалые! Ну чего, «богомола»?

– Ну, естеессно, как без него?

Тут же старший присел на корточки, и младший, вскарабкавшись, уселся ему на плечи.

– Самое трудное теперь поднять этого жиртреса, – выдавил из себя Адик дрожащим от напряжения голосом.

Коленки заходили ходуном. «Богомол» потихоньку вставал на задние лапы. Неустойчивая конструкция, раскачиваясь из стороны в сторону, случайно прикоснулась к одной из магистралей, и мальчик, вскрикнув, заплакал.

– Труба кипяточная! Не достать, не дотянусь!

Чозик быстро сориентировался.

– Накинь на плечи телогрейку и лови перчатки!

– Это всё, конечно, здоровско, – свесившись вниз, кинул товарищу Дуся, – но там с потолка постоянно капает и мешает работать специалисту.

Покрутив фонариком, Чозик наткнулся на пластиковую канистру с вырезанной верхней частью. С торца торчала пара врезанных гофрированных шлангов от противогаза. Недолго

думая, он отсек их куском разбитого стекла, оставив совсем небольшие пеньки. Получилось некое подобие шлема с глазницами, который Дуся тотчас водрузил на голову.

– Так вообще отлично, ты просто молоток! – промычал шлем.

Видимо, стенки импровизированной защиты влияли на тембр голоса, делая его ниже и добавляя суровости.

– Дай что-нибудь в руку, все равно что! Не могу дотянуться.

Пошарив рядом в куче мусора, Чозик обнаружил несколько труб, деревянные бруски, неподъемную арматуру, лом и уголки.

– Смотри, могу дать небольшую косу. Она ржавая, но как крюк подойдет!

– О, другое дело!

После основательной подготовки для маневра из глазниц наружу брызнул желтоватый свет.

– Лезь к нам, под защиту, – произнес, натужившись, Адик, – сейчас начнется основная фаза развертывания.

Находясь втроём под телогрейкой, ребята не слышали, как из бокового прохода донесся глухой шум, похожий на волочение. Звук тяжелой поступи эхом прокатился по подвалу. Далекие блики приближающегося источника света заскребли по стенам коридора. Перед ними из темноты появилось сгорбленное существо на тонких ногах, с массивными ручищами, доходящими до колен. С плеч свисали грязные сальные волосы. За собой он тянул что-то длинное и тяжелое. Повернувшись в сторону «богомола», пещерный троглодит[1] тут же замер. Свет его тусклой лампы осветил медленно раскачивавшуюся телогрейку. Полы хаотично подрагивали, черная голова то кивала, то поворачивалась на триста шестьдесят градусов.

– Я вижу тебя-я-я-я-я, – прорычал Дуся, сильно напрягая ноги, чтобы встать поувереннее на плечи старшего брата. Чозик изо всех сил подталкивал его кверху. Наконец «богомол» распрямился в полный рост, и Дуся разразился басом:

– К работе приступает «Мрачный жнец»!

В щель между пуговицами телогрейки Чозик подал ручку косы, и друг тотчас замахал ею из стороны в сторону. Инструмент издал несколько свистящих звуков, вспоров спертый воздух.

– Пришел час кровавой дани, ты будешь наказан за все свои темные дела! – сурово выкрикнул Дуся, указывая косой перед собой.

И тут сквозь прорези шлема он заметил молчаливое присутствие чужака.

Раздался душераздирающий крик! Ничего не понимая и потеряв равновесие, мальчишки принялись биться о стены, рассыпавшись при падении. Если бы не шлем у Дуси на голове, что бы тут было, мама дорогая!!!

Продолжая вопить, Дусян выскочил через застегнутую горловину телогрейки, а у Чозика в руке осталось зажатым какое-то влажное тряпье.

– Чо за фигня?!

Он непроизвольно стер им пот с лица.

Ребята на карачках неслись к выходу, не разбирая дороги, толкаясь и круша все на своем пути. Не уступая никому, Дусян скакал так, что его постоянные неуспехи на физре как-то подозрительно отошли на второй план.

По ощущениям они уже были на финишной прямой, когда в кромешной тьме забрезжил свет сквозь щели гнилой двери.

Словно спортсмены, они вложили в победу свои последние силы! Внезапно одновременно споткнувшись, троицу оторвала от земли неведомая сила. Они просто летели вперед головами, напоминая подбитые самолеты. Раздался один на всех деревянный треск. Полетели щепки, и сквозь проломы наружу вывалились три детские головы. Следом подоспела запоз-

[1] Троглодит – создание, существо, особь.

давшая боль из отбитых ног, но осознание гнавшегося по пятам чудища было несравненно сильнее!

Только на свету ребята заметили его ободранную голую задницу!

– А ну, стоять!!! – закричал старший брат. – Ты почему в таком виде?

Они оба прыснули, держась за покрасневшие коленки. Однако смех быстро иссяк. Чозик разжал левую руку, на холодный бетон упали Дусины мокрые шорты и такие же труселя…

* * *

Пробравшись через поросли молоденькой крапивы, товарищи очутились на самой-самой дальней части территории, где внутри заброшенного фундамента располагалась огромная невысыхающая лужа. Находиться здесь тоже запрещалось категорически!

Осмотрев друг друга в отражении водной глади, они принялись интенсивно отмываться, зачерпывая ладонями уже прогревшуюся дождевую воду. Особенно интенсивно Чозик намывал лицо и левую руку, которые касались Дусиных мокрых вещей.

Но все это не имело теперь никакого значения, потому что стало понятно, что «черное» существо реально обитало в тех подземельях! Значит, всем вокруг угрожала смертельная опасность! А дальше…

…А дальше начиналось самое интересное…

Часть I

Глава 1

На следующий день оказалось, что садик не работает… Перед калиткой негромко переговаривались взбудораженные родители, пытавшиеся поскорей сбросить своих чад и разбежаться по работам. Издали толпа смахивала на смотр дирижеров с предварительной разминкой конкурсантов на улице. Однако, если подойти поближе, стало понятно, что это чрезмерно активные старушки, яростно жестикулируя, пытаются что-то доказать полицейскому за воротами. Сбившиеся в группу отцы нервно курили в сторонке, переминаясь с ноги на ногу, периодически выщелкивая недокуренные бычки мимо урны.

Рядом в коляске плакал маленький ребенок. Да и в общем-то правильно плакал! Мамочка, с постоянно бегающими глазами, трясла его так, будто пыталась взбить масло из сливок. Облизав упавшую на землю соску, она тотчас сунула ее куда-то в недра дико модной люльки, и плач потихоньку утих.

Уже было ясно, что инцидент с закрытием садика станет ключевой новостью для лавочной болтовни. В каждом небольшом городишке или поселке именно так и пишется настоящая история – на посиделках под лузганье семок, на рынке, в очередях на кассе, на остановке междугороднего автобуса…

– Уважаемые мамаши, а также к ним приравненные, – хорошо поставленным голосом произнес подошедший в военной форме. – Прошу расходиться по домам. Отстаиваться в зоне работы органов не положено! Вы находитесь на охраняемой полосе примыкания к режимному объекту.

В тени деревьев остановилась пара машин с необычными мигалками, явно не полиция. У одной по борту тянулась полоса с рядом непонятных букв, взятых в кавычки, – «ДКсП». Микроавтобус с параболической антенной быстро затягивали оливковой маск-сетью, а вдалеке были видны люди в защитных костюмах с капюшонами, которые что-то активно опрыскивали.

– Неужели готовятся брать штурмом логово Черного?

Чозик тут же прижал палец к его губам.

– Молчи, дурак! Если кто-нибудь узнает, что мы контактировали, – заберут на фиг! Увезут в неизвестном направлении, чтобы получить важные анализы. Может быть, им даже понадобится кусочек твоего мозга!

– А почему именно моего, там все были? – заныл Дуся.

Но Чозик уже плотно прижался щекой к металлической сетке, чтобы ничего не пропустить.

«Хотелось увидеть, как полетят дымовые, шумовые гранаты. Потом человек в бронированном костюме спустится вниз с огнеметом и начнет поливать все внутри струями жидкого огня! А когда огнемет выдохнется, на него из укромного места выскочит Черный и своими когтищами раскромсает его на мелкие кусочки. Затем, огромными прыжками достигнув калитки, откусит башку противной бабке с первого этажа, которая всегда стучит на него маме… Стоп, стоп, стоп. Эта бабушка неплохая, она кормит бездомных собак и кошек.

Тогда не ее. Пусть сожрет тощего мужика, который шепелявит и каждый раз делает замечания, что Чозик хлопает подъездной дверью… Не-е-е, он тоже вроде неплохой. Он давал папе какие-то инструменты. Хорошо, жрать никого не надо, пусть он просто вырвется на свободу и с разбегу продавит крышу микроавтобуса, скрывшись в неизвестном направлении. Короче, дальше будет взрыв, и все мамочки вокруг грохнутся в обморок!

И только сейчас до него дошло: «*А что если «Черный» захочет отомстить, ведь из-за них ему пришлось лишиться жилища? По запаху он легко найдет Дусю, а там и всех остальных! В таком поединке может остаться лишь один победитель. Ведь… второго места не бывает, бывает только первое…*»

Чозик вздрогнул, услышав перерепалку братьев.

– …потому что вся зараза от этой твари досталась именно тебе, понял! Но главное, ученых всего мира будет тревожить сложнейший вопрос: могло ли древнее существо на чем-либо оставить за собой энергетический след? Вот тут-то всем сразу и захочется изучить твои мокрые подшианники! – закончил зловещее предсказание старший брат.

– Да, блин, понял я, понял. – Дуся заныл по-настоящему. – Я так и думал, что ничего хорошего не выйдет. Сдались мне ваши дурацкие подвалы! Больше не зовите меня никуда, буду спокойно играть в песочнице!

Из оцепления вышли еще два здоровых мужика в камуфляже и одним своим видом настойчиво потребовали разойтись. Люди неохотно разбредались, но в воздухе по-прежнему стоял гул, будто пчелиный рой перелетал на новое место.

– Думаю, нам следует покрутиться вечером у подъезда, – сказал Чозик, недовольно поглядывая на Дусю. – Мало ли кому из взрослых удастся раздобыть что-нибудь интересное!

* * *

Вечер стоял очень теплый. Бордово-оранжевый закат подкрасил перистые облака. В сад больше ходить было не нужно, поэтому, провозившись целый день на улице, малявки были абсолютно счастливы. Как и предполагалось, после работы около подъезда ломаным полукругом кучковались взрослые. В голосах ощущалось напряжение.

На лавке восседали «передовики умственного фронта» – две из трех местных кошелок. Казалось, они никогда и не начинали свой трудовой путь, выйдя на пенсию сразу после школы. Однако объем переработанных ими за сутки слухов настолько впечатлял, что порой казалось: на такое не способна мозговая активность одного отдельно взятого человека! Как-будто общаясь между собой через пси-протокол[2], они умудрялись мгновенно делиться на троих терабайтами важнейшей информации, постоянно пополняя единую справочную базу их нейромицелия…

Целыми днями они генерировали домыслы касательно всего на свете, трактовали подслушанные разговоры, пытались додумывать серьезные политические новости. И каждый элемент этого лавочного консилиума в течение дня по крупицам добывал ценнейшую информацию, по несколько раз занимая очередь в поликлинике, выведывая за шоколадку сведения на почте, в паспортном столе и даже у участкового.

Поначалу высказывались ну совсем уж нежизнеспособные версии типа пробуждения разума у помойной слизи, приползшей с местного полигона бытовых отходов, заложенного еще в начале XX века царем Николаем II. Далековато? Да нормально, если речь идет о таком прекрасном теплом подвале!

Те, кто поумней, утверждали, что жизнь туда занесена точно извне, укоренившись в условиях горячих и холодных труб водоснабжения, чему способствовал особый подвальный микроклимат архейского эона[3]. Третьи были уверены, что так ведёт себя исключительно радиация, потому она везде, а в темноте ее еще больше… Возможно даже, но пока не точно, в подвал проникли духи из какого-то пятого измерения.

---

[2] Пси-протокол – передача массива данных через телепатический контакт.

[3] Архейский эон – считается, что в этот период существования доминирующей формой жизни были фотосинтезирующие цианобактерии (прокариоты).

Будучи единственными свидетелями произошедшего, ребята слушали соседей очень внимательно, и им было не до шуток. В сложившейся ситуации стоило оценить степень опасного полета их мысли, если вдруг всё вскроется.

Стало смеркаться, а уходить домой ну совсем не хотелось. В свете тусклого фонаря, стоявшего у подъезда еще с советских времен, уже вовсю летало комарье. Ситуация никак не прояснилась. Потихоньку родители стали уговаривать детей собирать игрушки и двигать домой.

Но тут на горизонте, пыхтя и размахивая руками, показалась бывшая управдомша. Самый что ни на есть действующий председатель президиума лавочного парламента. Она являлась безоговорочным авторитетом всех разоблачений и мощнейшим вдохновителем глубинных теорий. При ее появлении живые людские массы замирали, и даже глубоко пьющие пытались отдавать честь. Ее загорелая от постоянного трудового подвига огородная рука потянулась за водой. С глубочайшим трепетом управдомше тотчас же предоставили ее законное место, предложив хлебнуть специального укрепляющего «чайку» из термоса.

– Прознала всё как былó! – с одышкой вытолкнула она беспрецедентные на сегодняшний день слова. – Ну, скажу я вам, и ситуация! Со дня на день, видать, комендантский час объявят. Петрушу-то… забрали в явном психическом расстройстве, представляете! А ведь он долгое время примером был для многих, истинный семьянин, почти ветеран труда…

– Не томи, Ольгапална! Выкладывай с пылу с жару все как есть, ничегошеньки не упусти! – торжественно произнесла Клараакаковна, бывшая училка русского и литературы старших классов, которую дети на площадке коротко звали Пучок. – Все мелочи имеют значение!

На фоне бушевавшего в ней адреналина и предвкушая триумф, управдомша, интригуя, начала с конца.

– Скажу вам по секрету… буквально кровью подписала жене Петруши клятву о неразглашении… – Она театрально закатила глаза. – Наверное, уж больше не свидимся с яхонтовым нашим… И вот как все было… – И в голосе послышалось тягостное придыхание.

…Заканчивал Петр Дормидонтыч свой вчерашний рабочий день, да и на тебе! Засрочно понадобилось кровлю подлатать, видите ли! Пришлось не домой идтить, а, на свою горемычную судьбинушку, тащиться в бетонный склеп, будь он неладен! К тому времени стоял тот подвал один-одинешенек осень, зиму и эту раннюю весну. Заходит. Ласково гладит, как родную, свою телогрейку. Согнулся под низкими потолками в три погибели и пошел службу служить. Ни шатко ни валко идёт время в трудах праведных, как вдруг слышит – голоса… Грубые такие, словно жернова, перемалывающие кости.

Все зашушукались, желая озвучить вопрос, однако взгляд управдомши был такой, будто она стояла в заградительном батальоне, исполняя приказ № 227 от 28 июля 1942 года – «Ни шагу назад!». В руке громко защелкали каменные чётки, и все притихли.

– Даже не вздумайте такое сказать! Нет, говорю я вам! После кодирования капли в рот не брал! Совсем хороший стал, неухоженный, может, но абсолютно нормальный, – безапелляционно повысив голос на некоторые смешочки, рявкнула она. Втянув воздух своими богатырским ноздрями, Ольгапална продолжила, но голос вдруг оступился.

– Нечисть пришла по его душу… Видимо, времени так, стало быть, нужно…

Разом наступила гробовая тишина, которую прорезал детский пук.

– Извините, тётенька, я от вашего страшного голоса чуть не обкакалась! – Маленькая девочка тут же сгинула в сторону песочницы.

– Стал он поворачиваться, да видит, телогрейка-то не на своем месте. Если бы упала, так бы и лежала, а так стоит, рукава подняты, а кистей-то и нету… Знай в судорогах бьется, как припадошная! Наш Петруша так-то не робкого десятка. Дормидонтыч мог запросто и участкового за рукав остановить, спросив закурить… Но даже ему стало не по себе.

– Похоже, этот запойный вовсе критики лишился, – на ухо прошептал дядя Женя папе братьев.

От этих слов они оба заулыбались, но под жестким взглядом и возобновившимся тиканьем чёток офицер полиции и доктор выпрямились, виновато потупив глаза.

Тем временем приближалась кульминация. В рассказе управдомши атмосфера все больше накалялась и мрачнела.

– Выход лишь один из темницы той окаянной. Ни вздохнуть, ни выдохнуть, одним словом. Не запомнил даже, как нащупал крестик на груди. Принялся Дормидонтыч… Маяковского нараспев читать – «Что такое хорошо». Так вот. Не могла нечисть стерпеть его рубящих тонических[4] «ступеней», решив скорее умертвить праведного человека, увеличившись на глазах о трех метров в высоту. Стоит, качается о четырех ногах. Знай копытом по бетону стучит, выбивая искры…

– Так чудовище безголовое было? – спросил дядя Женя робко, дабы не впасть в немилость у великого человека.

– В том-то и дело, что нет. По словам жены Петра Дормидонтыча, чумазая она была, постоянно вращалась, с огромными светящимися окулярами! Видимо, подслеповаты те, что в царствие подземном обитают. Все больше запахи человечьего страха слушают.

– Никакой я не подслеповатый и не грязнуля! – возмутился Дуся. – Канистра просто постоянно сваливалась и дышать мешала.

В толпе перешептывались.

– Дормидонтыча сложно по запаху с кем-нибудь спутать, – хихикнул, как школьник, папа Чозика и сразу получил толчок в бок от супруги.

– Никак не могло адское порождение определиться, каким способом лишать Петрушу жизни. То ли испить его живительной кровушки, то ли заполучить его прогрессивный мозг со всеми мыслями. Уж больно светлая голова была у того человека… Вмиг вспыхнули глаза у исчадия, почуяв его могучее сердце. Из ниоткуда пустой рукав явил косу, рассекшую воздух в миллиметре от шеи Петра Дормидонтыча.

– Вот, значит, какой способ гуманный выбрала? – не удержавшись, произнес шепотом дядя Дима, папа братьев.

Тем временем голос Ольгипалны вошел в штопор, оборвавшись. Их глаза встретились в неравном противостоянии.

– …но сильнее оказался слог революционного поэта из уст его. Закачалось чудище мохноногое, рухнув словно подкошенное! В тот же миг поползли из всех его щелей черти с рогами-копытами и голыми жопами! Бегут на четвереньках и хрюкают.

– Неправда всё это про ж… – Рот Чозика тут же заткнула рука товарища. Адик закашлялся, еле успев замаскировать друга.

– Налицо трансдукция[5] духовной сущности в материальный мир! – со знанием дела подтвердила Верасанна, соседка по лавке справа.

– Выскочили черти, пробив три дыры в кованой двери, и испарились…

«Да если б дверь железная была, уже в больнице дырочки в голове нейрохирурги крутили, – пролетела чумная мысль в голове Чозика, – *или того хуже…»*

– Долго не мог в себя прийти Петруша, все за грудь держался. А когда понял, что пропустила его нежить во врата райские, бросился со всех ног к жене своей ненаглядной, да не уберегся… Отпустил руки от крестика, и в тот же миг поставила подножку ему сила бесовская. Рухнул защитник, ударившись головой, и свет очей его померк… Лишила сознания его обманом окаянная, а затем и разума. Там-то и нашла его женушка ни живого ни мертвого.

---

[4] Тонические ступени В. Маяковского – новаторский, экспериментальный, интонационно-тонический стиль стихосложения, оформленный «лестницей».

[5] Трансдукция – процесс переноса информации от донора к реципиенту с помощью бактериофага. Не берите в голову эти заумные слова, Верасанна так хотела сказать, что это перенос.

Все бормотал в бреду что-то несвязное, якобы черти похитили научный труд всей его жизни – новейшую насадку на пылесос из канистры для сбора мух!

– Не фиг было под ноги рубероид бросать! – поддержал друга Дуся, вытирая рукавом нос.

Его слова прозвучали как раскат грома.

– Что ты сказал, мальчик?!! – приоткрыла она злобный глаз, и на виске́ слева вылезла синяя вена.

За младшего брата тут же вступился старший.

– Он хотел сказать, Ольга Павловна, хорошо, что дяденька не метнул рулон рубероида в ожившую телогрейку, а то бы точно накликал на себя смертное проклятие, уложив наповал мрачного жнеца!

– …и трех его самых верных слуг! – добавил Дуся.

– Ты прав, мальчик… Теперь там работает специальная комиссия, и садик будет опечатан до особого распоряжения, пока собирают биоматериал, – закончила эксперт слева.

– Все-таки Черный Петр Дормидонтыч – настоящий герой нашего времени! Ценой своей бескорыстной души отвел беду от малышей – нашего будущего! – закончила речь Пучок.

Друзья переглянулись.

– Чо это за нафиг?!

Не смог сдержаться Чозик и, схватившись за живот, у всех на глазах повалился со смеху…

Глава 2

От накативших воспоминаний Чозика отвлек дымный след шашлыков и кебабов, которыми пахнут длинные майские праздники. Казалось, что все это происходило только вчера, хотя прошло уже почти пять лет. Схлопотал он тогда от родителей по полной за совершеннейшее отсутствие воспитания, срыв заседания «партийной ячейки» и, конечно, неуважение к старшим.

Воспоминания нехотя расползались обратно по своим норам. Вдруг он вздрогнул! Сегодня, роясь в своем тайнике, он напрочь забыл убрать со стола маленькую герметичную капсулу с очень важными словами для своих родителей на случай «мало ли чего».

Сильно расстроившись, мальчик опустил глаза к пробивавшейся весенней траве. Там он тотчас заметил бежево-коричневый полосатый домик. За ним тянулся неровный слюнявый след, в который на мгновение вляпалась маленькая мокрица. Обложив улитку суровым насекомным матом, она продолжила свой путь.

Досадная неприятность тут же забылась, потому что белому и черному маркерам предстояло заняться творчеством. Чозик стал что-то прикидывать, и вот уже с боку домика появился черный немецкий крест, как в фильмах про войну. Оттенив его белым, с другой стороны он написал выдуманный номер «324». Откусив небольшой кусок жвачки, приклеил на нее спичку – пушечный ствол. Все вроде было нормально, но скорости такой танк, конечно, не давал.

«Мононога́ не прогрессивный способ передвижения. Как улитки выжили на земле с такой скоростью, непонятно».

Поискав в рюкзаке небольшую пластиковую баночку, мальчик аккуратно убрал немецкий «улитковый танк» в карман куртки, бросив внутрь немного травки.

– Как интересно, а кудай-то Киселек собрался, неужто… – услышал он за спиной противный девчачий голос. Его можно было узнать среди всех голосов в толпе школьников на перемене, на станции метро в гуле приближающегося поезда, при выстреле танка, наконец! Медленно обернувшись, Чозик непроизвольно провел рукой по шраму на левой брови.

Глава 3

Это случилось год назад в то же самое время… Та соседская девчонка появилась в их с Дусей классе, переехав со своими родителями в тот же дом и даже подъезд, но двумя этажами выше. Оценить ее умственные способности оказалось несложно. Она реагировала на вопросы учителя быстрее всех, всегда делала домашку, сдавала контроши самая первая. Общение с ней не задалось с самого начала.

Тем весенним днем рядом с их домом разгружалась грузовая «Газель» с опущенным бортом. В парадной маячили спины усталых грузчиков, толкавших что-то объемное в подъездной тьме. С улицы хорошо было слышно шарканье их ботинок и нечленораздельную брань. Чозик решил переждать, ведь никаких срочных дел пока не намечалось. Вернувшись из магазина с пакетом продуктов и коротая время, он разглядывал доску объявлений.

А тут, как назло, она! Тащит за спиной рюкзак в виде зверька «Пикачу», а в руке спортивную сумку на колесиках, как у хоккеистов, только поменьше. На вопрос водилы стала показывать худеньким пальчиком куда-то вверх, вращая им то вправо, то снова вверх, ехидно улыбаясь. И в тот момент, когда Чозик почти собрался сказать, мол, давай помогу, девчонка вдруг сама и говорит:

– Смотрю, хочешь предложить мне, Кисель, кто быстрее до пятого. Твой вызов принят! Так уж и быть, даю тебе фору. Я стартую с двумя сумками.

Не успев это произнести, она больно ткнула его локтем, ловко просочившись между ним и косяком дверей парадной. Такой наглости Чозик стерпеть не смог, и погоня началась!

На первом повороте все было нормально – авоська справа, перила слева. Еще рывок, и стоит только руку протянуть, чтобы схватить ее за косички, ан нет! Худые и на первый взгляд слабенькие ножки вдруг рванули через ступеньку, а потом через две, и Чозик непроизвольно скинул обороты. Однако нанесенная обида тут же напомнила о себе. Второй поворот проходил сложнее, не с руки. Здесь разрыв каким-то образом уже составил шесть ступенек!

«Че-е-ерт! Как можно продуть девчонке? Второе место из двух участников – только застрелиться!»

Внутри бурлила огненная смесь – выиграть и проучить пообиднее. И – о чудо! На следующем повороте происходил ювелирный занос небольшого дивана. Грузчики старались не испачкать обивку. Но легко бывает только в сказках. Девчонка оказалась змеюкой! Изогнувшись буравчиком, она прошмыгнула в небольшую щель у ног грузчика. Чозик поначалу опешил, но, собравшись, подбодрил себя кричалкой: «*Несусь со скоростью звука, не хватает лишь реактивного пука*», – и попытался протиснуться в закрывающуюся щель… Внезапно его что-то дернуло назад, развернуло… Раздался отборнейший мат, и его зад вспыхнул, как будто в него пальнули солью. На миг оказавшись в невесомости, он больно приземлился на плитку.

«Неужели обычный пендель имеет такую подъемную силу?»

Из разорванного пакета на ступеньки покатились продукты. Плюнув на них, он вновь переключился на погоню, но, лишь опершись на левую ногу, почувствовал прострел, и она подкосилась. Чозик вскрикнул от боли. Видимо, мужик попал пинком в нерв.

«Блин, лишь бы не парализовало до конца жизни… Вставай, тряпка!» – хотел сказать он себе, но за него то же самое сверху прокричала эта противная девчонка.

Расстояние между соперниками было катастрофическим – пролет и лестничная клетка! Он услышал ведьмино хихиканье, и в голову точнехонько прилетел скомканный рекламный буклет. Взревев от унижения и превозмогая боль, он сделал последнее невероятное усилие, рванув к финишу.

В каком-то безумном калейдоскопе мимо неслись дверь его квартиры, очумелые глаза бабы Зины и ее собачки с энурезом[6]. Наконец раскорячившийся велик затормозил проходимку! Чозик схватил ее за жидкую косичку. Раздался писк, от которого в нем бурно взыграло злорадство!

– Как тебе такое, соседка?! – На его лице вспыхнула плотоядная улыбка.

– А как тебе такое, Киселек?

В ответ раздалось шипенье, и из-под жидких волос выглянуло лопоухое ухо! Желтый рюкзачок каким-то неуловимым движением коснулся его левой брови и тотчас вернулся в руки хозяйки.

Странно, но он почему-то уже знал, что противник так просто не сдаст первенство, применив запрещенный прием. Слезы непроизвольно покатились по щекам. Но оказалось, что это были вовсе не слезы… На язык попало что-то горячее. Кровь?! Спустя две секунды пришла пронзительная боль, а откуда-то сверху раздался все тот же противный девчачий смех.

– Кисель, почему не боролся в полную силу?! Ты почти меня догнал, но почти не считается. Второго места не бывает, бывает только первое!

Мир вокруг окрасился бордово-красным, слух погрузился в непроницаемую пелену. Мальчик чувствовал себя на поле битвы, где рубились не на жизнь, а на смерть воины в доспехах. Прислонившись к холодной стене, он оперся на перила, словно на рукоять клинка. Его губы с запекшейся кровью неслышно прошептали:

– Я не проиграл, у меня тоже подарочек для тебя…

Его шепот стих. Перед глазами будто показывали один из фильмов Джона Ву. Крутящееся горлышко бутылки с маслом медленно поворачивается и замирает. Ее затухающее движение как бы усилено тикающим шагом метронома. Звук усилен в сотню раз. Слышно, как песок с треском перетирается в пыль. Бумажная этикетка на бутылке изрезана сотнями песчинок, и эти рваные линии похожи на следы когтей свирепого зверя. В кадр сверху попадает что-то черное. Фокус немного смещается вперед, и уже будто виден глубокий протектор покрышки, покрытый пылью. Камера немного отъезжает, и прорисовывается, как в тумане, боковая поверхность коричневой махины с висящими грязно-желтыми канатами, торчащими из стальных отверстий. Объектив камеры смещается еще… Столб пыли рассеивается и оседает. Гигантский грузовик, уменьшившись, превращается в стоптанный ботинок с болтающимися шнурками. Включается режим высокоскоростной камеры. Теперь отчетливо видно, как от тяжелого соприкосновения начинает сыпаться стеклянная стружка лопнувшего стекла.

Ты парализован, потому что уже заглянул в будущее!

Масло с тягучим вздохом растекалось по ступеням, пропуская внутрь распластанные пузыри воздуха, окрашивая бетон в интенсивный темный цвет. В щель между лестницами, как гранаты с выдернутой чекой, катятся яйца, сыпется горох, плюхой летит сметана из разорванной упаковки…

Мгновения закручивают роковую цепь событий, которую невозможно остановить. Слышен треск ломающейся древесины, рвущейся обшивки дивана и разгон болида. Как в немом кино, он сминает горшки с цветами, полки с пыльными китайскими фигурками символов года, разлетается обувь, выставляемая вонять за дверь. За диваном кубарем летят грузчики, как

[6] Энурез – это заболевание, проявлением которого является недержание мочи.

рыбы, открывавшие рты. Искореженная софа останавливается, проломив чью-то дверь… Следом яйца вперемешку с горохом украшают их головы. Под занавес с чавкающим звуком их настигает сметана.

Все это странное кино с грузчиками, ботинками, диваном, разлитым маслом и сметаной встает на паузу скрипом диджейской пластинки. Ведьмин голос в зловещей тишине на ухо говорит:

– И, если чо… это был не наш диван…

Мир в ту же секунду погрузился во тьму обморока…

Уже потом от родителей Чозик узнал, что по роже он схлопотал острием конька, не уместившимся в бауле, случайно оказавшись в рюкзачке. Что сильно рассеченную бровь и порез под глазом ему шили в травмпункте. Что оформлявший карту врач долго не мог взять в толк, как описывать синяк в виде протектора ботинка сорок шестого размера. Что его родителям придется покупать соседям новый диван и что наконец-то лестницу не будет загораживать иконостас из безделушек, которые жалко выкинуть со времен перестройки.

И главное!

Выяснилось, что та девчушка просто возвращалась в плохом настроении с городских соревнований по фигурному катанию, заняв второе место. Ее переполняло чувство несправедливости, и так выглядело женское чувство обиды и несправедливости.

А что Чозик? Он просто угодил под горячую руку… Там вообще было без вариантов победить, поскольку ведьма вдобавок имела первый взрослый по бегу и второй по плаванию.

Родителями были приняты во внимание смягчающие обстоятельства в виде желания джентельмена помочь даме донести сумки. В конечном итоге никаких взысканий не последовало, но обида за проигрыш обрела место жительства.

Еще долго друзья восхищались сабельной формой пореза, фингалом под глазом, зашитой бровью и торчащими из кожи лигатурами. С этого момента братья самозабвенно мечтали получить такие же мужественные шрамы в неравном бою с неприятелем, но только без боли и чтоб потом хвалили!

У Чозика никак не исчезало странное ощущение недосказанности, недоделанности чего-то. Может, если бы родители всыпали ему как следует, все бы прошло? И ведь капец, как обидно! Впереди каникулы, а ему не разрешат купаться. К тому же будешь ходить, как дурак, в другой стране весь в зелёнке. Хотя поездка казалась недалекой, в Белоруссию, но там было здоровско! Безумно красивая природа, Беловежская пуща, множество водоемов с чистейшей водой и богатая история, связанная с Великой Отечественной войной…

Веко пока полностью не размыкалось, тянула бровь, поэтому во взгляде все время присутствовал модный прищур. Надо сказать, и этому тоже обзавидовались братья.

* * *

В эту минуту, очевидно, прошлое желало повториться…

– Я… это… мы с друзьями идем… тут недалеко, – скрывая возбуждение, промямлил Чозик.

Мышцы вдруг стали чужими, в ушах застучало, но он уже был готов на реванш, однако вместо этого услышал спокойный сдержанный голос:

– Да расслабься, я просто хотела поздороваться. Клевая, кстати, модель! Сама с похожим рюкзаком долго ходила, пока все не перестало умещаться. Ладно, давай, мне пора. Меня, кстати, Маша зовут, если со школы не запомнил…

Оторопев, Чозик долго смотрел ей вслед, пока она не скрылась за пекарней. Внезапно душевное напряжение, куда-то позорно сбежав, перестало дразнить из укромных уголков, оставив его просто удивленным.

«А ведь она совсем не ведьма!»

Не успел Чозик подумать об этом, как сзади с криками и улюлюканьем на него запрыгнули оба брата. Как только они оказались вместе, голова мгновенно очистилась от воспоминаний.

Друзьям удалось стащить из холодильника пачку сосисок и упаковку бекона. Дусян, как всегда, подсчитывал ожидавшиеся от этой затеи убытки.

– …за сосиски с беконом нам теперь придется отвечать перед семейным трибуналом, ясно!

Слушая, как братья в шутку ссорятся, Чозик чувствовал небывалую легкость. Ему хотелось бежать, кричать, лететь!

Сегодня он знал точно, что поход будет туда, где они никогда не были!

Глава 4

Поблизости от того места, где жили ребята, все козырные места были заняты подвыпившими гуляками, семьями с детишками, туристами с палатками, стоящими машинами. Человеки отдыхали. На дворе май. Костер жечь нигде нельзя, но если аккуратно, чтоб никто не видел, то почему-то можно.

У ребят все было как у всех. Маленький копеечный мангал, небольшой пакет угля. Питание ровно на один походный день. А остальное пространство рюкзака было заполнено полезными «нужностями» и шампурами собственной конструкции. Варил Чозик их лично, даже без присмотра, и тот разговор с папой для него был очень важен.

– Знаешь, сын, а ведь ты кладешь сварной шов лучше, чем я. Не представляю, как ты в четвертом классе это делаешь, но я с многолетним стажем любителя так не умею. Научишь?

– Не, па, дело не только в руках, а еще и в аппарате. Тебе же на юбилей новый подарили, но ты им не пользуешься. Вот я его и освоил.

– Да… Я чего-то не очень доверяю новшествам, когда для сварки внутрь устройства нужно заливать водку. Мы ей лучше с дядей Димой другое применение на даче найдем!

Они рассмеялись…

Кроме этого, в походный комплект входили специальные смоляные спички, консервная банка и спецсредства. Одна дымовая шашка из «быстрогорелки» (устаревшая технология первого поколения – специальный тип пластика, из которого делались неваляшки и шарики для настольного тенниса) и вторая шашка из селитрованной газеты.

Три пары ног весело погрузились в весеннюю прохладу майского леса. Лучи солнца, будто пытаясь заглянуть под кроны деревьев, желали хоть немного побыть вместе с ребятами.

– Твой папа однажды сказал, что, если вот так будет постоянно мелькать солнце в глазах, это может спровоцировать приступ дрыг… эпишмепсию… или элипепсию, – шмугнул носом Дуся.

– Сам ты! – Засмеялся Адик, отвесив ему щелбан. – Если у тебя плохое настроение, можешь валить, только домой идешь один! Как ты понимаешь, на обратном пути помочь никто тебе не сможет, когда из болота выползет Туманная киста или тебя подстережет Чернобров[7]…

– Хватит меня пугать! От твоего щелбана у меня в голове могло что-то повредиться!

– Кроме сотрясения нескольких ганглиев, отвечающих за «покак», «пожрак», а так же «*как бы чо не было, а то мало ли чо*», там и задеть нечего!

Закончив пятый класс, Адик подкидывал младшим всяческие слова из пройденного материала, которые непонятно что значили, но звучали как музыка!

– Если честно, то твой папан, Чозик, реально на даче нам об этом говорил… – На мгновение остановившись, Адик огляделся по сторонам.

– Так то были никакие не «дрыги», а эпилептические судороги.

– Все правильно, поэтому за этим убогим лучше приглядывать, а то напридумывает себе силой мысли какую-нибудь болезнь!

– Я все слышу! А все-таки… Персонажей, которых ты назвал, я знаю с детства, – продолжил Дуся. – Их придумал твой папа, чтобы нам на даче было страшнее.

– Ага! Мама его постоянно за это ругает, потому что после них при любом шорохе я драпал к ним в комнату.

– А я после ваших сказок даже иногда подсикивал… – подтвердил Дуся.

И вновь раскат ребяческого смеха разнесся меж деревьев, затихнув где-то в глубине леса. Чозик уже не мог хохотать, потому что заболели челюсти и ребра. Подобные тайны были

[7] Терпение, дорогой читатель, это персонажи, о которых вы услышите чуть позже.

известны лишь им троим. Адик, Чозик и тот, кто «с ганглиями», понимали, что обсуждение подобных тем в школе неминуемо сделает их посмешищем.

– Не, ну погодите, а тогда кем в конечном итоге был Чернобров? – на полном серьезе не унимался Дуся.

– А это, дорогой братец, информация высшего уровня секретности, доступ к которой только для избранных! Тайны «Дома сломанных игрушек» тебе вообще знать не положено!

– Вот примерзнешь ты как-нибудь зимой языком к качелям, а я такой тебе и скажу: «А это, дорогой братец, операция высшего уровня сложности» – и как дам промеж глаз, чтобы на железке осталась половина твоего поганого языка!

В кармане Чозика что-то звякнуло.

– О, я совсем забыл про улиткотанк!

Аккуратно расстегнув молнию, он достал баночку.

– Фига-а-ак, немецкая самоходная гаубица – гастропода!

«Вот это слово – гастропода! – подумал Чозик, открывая крышку. – *Нужно его запомнить».*

Наладив погнувшуюся пушку, Чозик передал улиткотанк Дусяну.

– Бле-е-еск!

Его настроение мгновенно улучшилось. Оглядевшись по сторонам, он принялся декламировать стих собственного сочинения:

Муравейки не ели всю зиму,
Но муравейки увидели Диму,
Топот маленьких ножек и машущих лапок,
Все было вкусно, кроме Димкиных тапок…

Друзья не сразу поняли, что Дуся задумал бросить улитку в муравейник, чтобы ее сожрали. В последний момент брюхоногий моллюск изменил направление полета, ударившись о дерево. Танк приземлился не в жерло муравейника, а где-то на периферии, ближе к жухлой траве.

– Подууумаешь! Все равно нормально будет смотреть, как солдаты захватят командира в плен!

– Ты дурак, что ли?! Давай тебе горсть муравьев в штаны засыпем? Ей же больно!

Ребята видели, как к немецкому улиткотанку со всех сторон сбегались рыжие пехотинцы. Улитка, почуяв неладное своими рожками, незамедлительно втянулась в раковину. Встав на задние лапки, рыжие муравьи пытались добраться до ее экипажа, состоявшего из одного единственного члена.

Внезапно потемнело, подул ветер и стало даже зябко. Деревья закачало из стороны в сторону. Их протяжные заунывные скрипы и древесные вздохи словно умоляли детишек скорее бежать домой. В любой момент могла разразиться гроза. Нужно было что-то быстро придумать.

Внезапно после громового раската Дуся сорвался с места, ломанувшись в чащу, как матерый лосяра. Рассусоливать было нечего, и следопыты бросились за ним, петляя наугад меж коряг, пней и поваленных деревьев. Нужно было его срочно догнять, чтобы хотя бы успеть растянуть плащ-палатку.

Поваленные стволы в этой глуши украшал пушистый изумрудный мох, так что возникало впечатление абсолютно необитаемых мест.

Сначала мальчишки уткнулись в исполинских размеров дуб, медленно просыпавшийся от спячки. Углубились на каких-то пару-тройку сотен метров, и в непролазной чаще откуда ни возьмись стали проступать стены обглоданного мраком полуистлевшего здания.

По мере приближения стал виден почерневший от времени кирпич, густо оплетенный прошлогодними лианами дикого хмеля. Крошащиеся от времени материалы врастали в землю, утопая в зеленоватой мути болотной воды. Шиферная кровля, напротив, сохранилась прилично. Это говорило о том, что укрыться от непогоды здесь все-таки получится. Стены зияли странными проломами. Старые рамы давно сгнили, и казалось, их черные глазницы внимательно следили за пожаловавшими детьми.

Мрачную атмосферу мгновенно дополнили всплывшие рассказы родителей о заброшенных домах, привидениях, мертвецах, преступниках, подземных ходах и потайных дверях. Да ещё, как назло, эта погода! Адик пытался отгонять от себя всё это, ведь он как самый взрослый не мог оказаться боякой.

– Я туда не… пой…ду! – заблеял Дуся. – А если все это обвалится, что тогда? Я раньше не слышал, что здесь в лесу стоят какие-то постройки. Может, его фашисты заминировали? Недалеко от нашего поселка у них даже командный пункт был, если кто-то не знает!

– Так это еще круче! – не сговариваясь, в один голос ответили друзья. – Дусян, ты нашел нереальное место, мы за таким и охотились! Ты пока здесь побудь, а мы на разведку…

– Ага, щща!

Стало накрапывать. Адик потянул младшего за воротник в дверной проем, а друг полез через окно. Внутри их встретил застоявшийся воздух, казавшийся мумифицированным.

«Такое возможно, – подумал Чозик, *– если пространство совсем не продувается?»*

– Ну что ж… Сейчас разведем огонь, станет повеселее!

– Я не думаю, что здесь следует сильно углубляться. На всякий случай встанем так, чтобы был хоть один запасной выход, а лучше два!

Так и поступили. Обойдя несколько комнат, Дусян приметил в углу как раз такое место. Направо и налево имелись выходы на декоративные балконы. Они были сильно источены сыростью, но выскочить наружу было раз плюнуть.

Окончательно сбросив сумки, они зажгли самодельный фонарь, который мгновенно создал арку света. Ткнув ногой кирпичную кладку, Адик выбил несколько кирпичей, которые тут же рухнули на песочную подложку.

– Хорош, а? Реально тут все может сложиться!

– Из кирпичей сделаем очаг, где будем плавить свинец, на мангале рядом будет еда, – заключил Адик.

За пределами заброшенного дома дождь начал усиливаться. Кое-где на пол закапала вода из прохудившейся крыши. Побежав струйками, она стекала в одни и те же места, подпитывая старые грязновато-желтые разводы.

Через несколько минут в комнате, не знавшей света лет пятьдесят, стало теплее. Языки пламени набросились на сухие дровишки. Теперь можно было погреть руки и даже снять куртки. Пока все готовилось к основному мероприятию, Адик и Дуся решили сходить пописать и разузнать, что почем, хоккей с мячом. Паек был аккуратно разложен на целлофане и дожидался поварских рук.

– Смотрите внимательнее, не хватало гвоздей словить! – крикнул через плечо Чозик. Эхо его слов растворилось во мраке коридоров.

Вдруг он напряг слух. Нет, не показалось. Какой-то неопределенный звук то и дело ускользал от него за падающими каплями дождя. Покрутив пальцами в ушах, Чозик бросил это дурацкое занятие и продолжил осматривать стены. Взгляд остановился на отверстии в одной из них. Подставив несколько кирпичей, он полез проверить. Поднес горящую спичку к горловине, но огонь тут же потух под сильным сквозняком.

«Не может быть, откуда тут тяга? Да и звук по ходу исходил оттуда же!»

В этот момент конструкция пошатнулась, и Чозик полетел вниз…

* * *

Поставив консервную банку на огонь, он принялся набрасывать рваные куски свинцовых аккумуляторных сеток. Должно было хватить на грузила для донки и для поделок.

Картофелины были аккуратно закопаны в угли. На шампурах красовались сосисоны, ожидая своей очереди. Сделав аккуратные надрезы, Чозик водрузил их на мангал. С веселым шкварчанием они стали выгибаться наружу, распространяя аромат копчености.

Работа спорилась, а через несколько минут из темноты арочного прохода донеслись довольные голоса.

– Слушай, тут абсолютная пустыня, – заключил Адик, отряхивая руки, – просто скелет дома посередине леса и всё. Даже наш пугливо-подозрительный друг решился отойти от меня на несколько шагов, умудрившись сделать открытие. Сам дотащил находку, чтобы перед тобой похвалиться, представляешь!

– Гляди, мне улыбнулась удача!

– Ты в кои-то веки не напи́сал себе на ногу?

– Смейся, смейся! – сказал Дуся, с трудом опуская у костра желтоватый камень.

Тот и впрямь был странным. Будто застывший кусок клея или смолы запечатлел то, к чему однажды прикоснулся. Подсев к костру, Адик принялся гвоздем распределять подтаявший металл по поверхности банки. Краем глаза Чозик заметил, как тот был горд за младшего брата, хотя пока это напоминало окаменевшую какашку. Вытащив из своей сумки пластиковую бутылку, Дуся отправился собирать льющуюся воду.

– Видал?

– Видал… Может, ему нужно больше доверять? Отмоем находку, похвалим, порадуемся за него и потом потихоньку выкинем?

Издали раздался обиженный возглас Дуси:

– Вы что, без меня поняли, что это?

– Не! Твой камень, тебе и разбираться…

Глава 5

Под струей воды все сильнее проступали очертания подозрительного рисунка, похожего на след. Никто даже не сомневался, что, схватив второпях скользкую массу, Дуся выронит ее. Она лопнула пополам, и перед ними предстала гладкая поверхность скола застывшего стекла.

– Ничего не понимаю, – промычал Чозик. – Для его плавления нужна огромная температура, но это здание даже не горело!

– Мы что-то такое проходили… – неуверенно ответил Адик. – Стекло можно получить даже при плавлении камня. Только вулканическое стекло выглядело в учебнике совсем по-другому. Обсидиан точно черный.

– Ага, умник! Где взять столько энергии посреди леса?

– Растопился не камень, а песок… – внезапно подал голос Дуся. – Посмотрите на свет. Что вы там видите?

Он был абсолютно прав. Его крупинки были повсюду.

– Ну, раз так, давайте хотя бы поглядим, что нам досталось на память.

Пробежав под определенным углом по отпечатку, свет пылающего костра неожиданно добавил смысла!

– Это след армейского сапога. Он чем-то похож на кирзовый. Глубина протектора большая, значит, сапог не старый.

– Не кирзовый, – возразил брату Дуся, чем еще больше всех удивил. – Спереди на носке набойка, видите? А сзади на каблуке она изогнута, как подкова. В стекле множество углублений, значит, на подошве было много «пупырышков». Помнишь, мы с тобой играли в «Отгадай следы», и ты мне подсунул картинку одного нечеткого отпечатка? Я проиграл фофан. Так вот! Мне стало обидно, и я принялся искать подобный в интернете… и нашел!

– Точно, я вспомнил! Это не пупырышки, а специальные шляпки-шипы, чтобы сапоги не скользили.

– Не, не, не! Кто будет ходить в такой обуви, она же времен Великой Отечественной? – не поверил Чозик. – Да вы на размер посмотрите. Это нога какого-то… шестьдесят десятого размера!

Друзья переглянулись. Загадка расплавленного стекла приобретала неожиданный поворот, и в ребячьих глазах тотчас засветился охотничий азарт! Срочно требовался мозговой штурм.

– Так, всё, перерыв. Картофан будет чуть позже, но сосиски готовы, налетайте.

Не успел Чозик сказать, как рядом уже раздалось аппетитное чавканье. Уплетая за обе щеки, ребята пробовали выдвигать разные идеи, но поток логичных быстро иссяк.

– И, увы, на этот раз знатоки теряют очко. Победа достанется телезрителям, – закрыл тему Адик. – Его просто сюда приволокли…

– Погодите, я же вам самое интересное недорассказал! Совсем вылетело из головы, – прекратил жевать Дуся. – Выковыривая его, я грохнулся назад, случайно уставившись на потолок. Так вот! Бетонное перекрытие всё было в этих стекляшках!

– Да ну? С каких это пор ты стал такой наблюдательный?

– Пока нет понимания, что увидел, считай, что ничего не увидел, – с полным ртом ответил Дуся. – Я этого не понял, вот и забыл вам рассказать.

Необъяснимый холодок пробежал по спине Чозика, но пока ему никак не удавалось схватить это чувство. Открыв на него охоту, он расставил повсюду всевозможные сети и ловушки, но ловко миновав засаду, воспоминание окончательно затерялось в глубинах его памяти.

«След сапога в расплавленном стекле… оплавленная балка… какая связь? Или ты знаешь ответ, но не хочешь в него верить, парень?»

Сунув руку в карман, он непроизвольно сжал рукоятку самодельной рогатки.

Братья весело шурудили палками в углях. Аромат печеной беконно-чесночной картохи, словно залечив тревогу, переключил Чозика на расплавившийся металл. Кое-где он вспыхивал серебром в лучах лампы, но поверхность быстро становилась матовой. Обойдя кругом кострище, он отсел, пытаясь за язычок приподнять банку с очага.

– Неее, до заливки так не донести, расплещем. – сказал Адик, оказавшись рядом. – Давай часть сольем, потом еще раз переплавим?

– Да посиди, поешь спокойно… – ответил друг, помахав припасенными плоскогубцами.

Дождь продолжал упорно стучать по крыше. Капли, непрерывно атакуя, скатывались, громко барабаня по ржавым подоконникам. И это было прекрасно!

В этот момент где-то в другом конце дома раздался грохот, сменившийся треском электрических разрядов. Далекий отсвет плотной бело-голубой вспышки достиг даже их закутка. От неожиданности на землю грохнулась еда. Повалившись назад, Дуся ударился о стену. Чозик успел заслониться локотем, а Адик уже оценивал шансы на эвакуацию. По полу из темноты медленно наползало пылевое облако, несшее сильный запах озона. Фонарь Чозика предательски замигал.

– Ё-моё… Похоже, нам реально повезло, что мы не сели там, в глубине.

– Это чо… типа молния?

– Чтобы молния ударила в одноэтажный дом, который в три раза ниже рядом стоящих деревьев? Ну, не знаю… если только шаровая?! – быстро ответил Чозик на правильный вопрос.

– А как же…

Но конец его фразы заглушил очень нехороший звук. Сквозь висящую непроницаемую хмарь мальчишки услышали в глубине дома тяжелую поступь. Эхом разносился хруст сминаемых под подошвами камней. Металлический скрежет какого-то предмета периодически касался стен. Светильник то ли лихорадило, то ли ему тоже было страшно, но вот из темного коридора проступили очертания огромного человека в длинном широком плаще. В походку незнакомца заранее были вписаны ожидавшиеся неприятности или того хуже!

Ворот черного плаща был поднят, наглухо защищая шею со всех сторон. Пояс утянут мощным кожаным ремнем с портупеей, на левом боку висел черный прямоугольный кофр, сдвинутый назад. В его прорези моргали электронные огоньки. Полы черного кожаного плаща явно скрывали его огромные ноги, удерживавшие на себе такого великана. Свободной рукой он снял маску с двумя прорезями. На братьев были направлены стволы его тяжелого оружия!

Из-под огромной немецкой каски на них смотрело совершенно неподвижное лицо, не имевшее глаз и рта, изуродованное глубокими оспинами, с ужасным шрамом, проходившим через левую глазницу. Таким не мог быть живой человек!

Чудовище почти трёх метров в высоту будто оценивало обстановку. Внезапно он сдернул строенный блок затворов, и они с лязгом вернулись в исходное положение. Остановившись, трехствольное дуло выбрало первую жертву. Нижняя пусковая камера, загудев, как нагруженный трансформатор, возбудила внутри голубое свечение. Снятый с предохранителя механизм набирал обороты.

Адик вдруг понял, что это больше никакая не игра. Страшный человек с изуродованным лицом через мгновение сотрет их в пыль! Резко вскочив, он пнул в его сторону банку с расплавленным свинцом. Летящая струя плотным потоком ударилась в воротник, а ее жирный хвост, окатив две трети лица, полетел дальше. Раскаленные брызги мгновенно въедались, застывая глубоко в тканях. От кожи плаща тут же повалил белый дым. Успев лишь немного закрыться свободной рукой, человек не издал ни малейшего звука адской боли!

Поняв, что друг выиграл несколько бесценных секунд, Чозик выхватил рогатку, в патроннике которой удерживался магнитом стальной шарик подшипника. Ведя огонь на ходу, рассчитывать на удачу было почти невозможно. Голова врага хищно повернулась необожженной стороной. В этот момент на поясе раздался треск, но тройной залп отработал. Перегретый воздух от ушедших в лесную чащу голубых трассеров на мгновенье помутнел в каких-то сантиметрах от Дуси. Значит, поступок старшего брата какими-то образом сбил калибровку прицеливания.

Внезапно огромного человека дважды качнуло. Шатаясь, он ринулся вглубь коридора, исчезнув через секунды. Чозик заметил, как поясной прибор заискрил, выплюнув наружу сизый дым. Оказалось, на пояснице и за плечами у него находились еще два прямоугольных кофра!

В глубине задания послышалось тяжелое падение.

Ребята принялись трясти Дусю, лишившегося дара речи. Его адреналиновые зрачки, расширенные ужасом, непонимающе искали ответ – живы они или уже того? Пришедший в норму после нескольких крепких пощечин, он, не оборачиваясь, сиганул в промозглые дебри… Швырнув Адику рогатку, товарищ быстро собирал разбросанные сумки.

Влажный лес погружался в сизый смог от подожженных Адиком дымовых шашек. Воздух, насыщенный частичками дождевой воды, постепенно охлаждал мальчишек, восстанавливая их силы. На расстоянии полсотни метров их снова догнал тот самый треск электрических разрядов.

– Никому не останавливаться, я прикрою! – скомандовал Адик, припав на колено и водя по углам обзора своим грозным оружием.

Секунда, другая, третья… и еще один звук будто схлопнувшейся гигантской книги наконец стих. Замерев, он еще несколько секунд слушал тишину. Протяжный скрип древесных стволов, барабанная дробь дятла, словно сговорившись, выгоняли ребят прочь.

Поскользнувшись в слякоти, Чозик растянулся по земле у знакомого муравейника. И тут он увидел верхушку домика той самой улитки, наполовину погрузившуюся в перегной. Зачерпнув в пригоршню улиткотанк, он понял, что муравьи не смогли добраться до нее. Вражеского танкиста нужно было спасать. Он аккуратно перенес ее подальше, посадив в траву.

* * *

До дома троица бежала, не сбавляя темпа, распределяя силы, как на кроссе. На подступах к своему городку, внимательно осмотрев друг дружку, мальчишки немного успокоились. Они просто промокли. Одежда не порвана, никто не ранен, немного испачкана куртка и коленки у Чозика.

По городку шли быстрым шагом, не говоря ни слова, да и обсуждать пока было нечего. Каждый плавал в осознании пережитого.

Подходя к месту расставания, Адик строго сказал:

– Пока это не имеет никакого логического объяснения, поэтому будем разбираться со всем завтра на свежую голову. Чозик – постоянно на связи, и, если чего… сигналь, ясно?

– Подож…дите… – проговорил друг, с трудом подбирая слова. Ледяная вечерняя морось, застревая в его взъерошенных волосах, будто принуждала не совершать этого необдуманного шага, сковывая язык, делая его непослушным.

– Я… хотел… хотел сказать… что видел… его раньше…

Глава 6

Чозик лежал, глядя в одну точку. Когтистые тени веток с каждым дуновением ветра безмолвно скребли потолок, шкаф, входную дверь, желая вынудить к бегству свою добычу. Теплая майская ночь с огромным количеством звезд на небосклоне никак не могла склонить его ко сну. В голове крутились десятки вопросов, которые умирали, отказываясь превращаться во что-то жизнеспособное. Их место занимали новые полчища безликих и бестолковых «почему». Чозик резко сел.

– Какой же я дурак! Поставил под угрозу свою жизнь… Да фиг с ней. Жизни своих друзей!

Судорожно вспоминая детали, он пытался хоть как-то уложить эти крохи в картину страшного пазла. Еще немного, и мозг начнет нанизывать на пережитое всякую небывальщину. Этого нельзя было допустить!

Чозик вспомнил, как однажды маленькая капля олова, угодив Адику на предплечье, прожгла джинсовку, оставив долго не заживавшую язвочку!

«*Как можно стерпеть такую боль? Какой вред мог нанести выстрел из самодельной рогатки этому трёхметровому гиганту?*»

Он сдавил виски́.

Желтый круг луны стоял на небосклоне, словно выманивая его своей красотой, но сделать шаг к окну было страшно. Тюлевая штора в дуновении ветерка зловещее шуршала по картонной коробке рядом со шкафом. После вчерашнего похода все стало будто чужим, источая опасность. Каждая вещь оживала в подсознании, помогая теням отыскать его! Он гнал эти мысли прочь, но ими невозможно было управлять. Они словно копошились у него в волосах, ощущаясь физически. Проносясь перед глазами, они задевали его по щеке и носу своими длинными, яркими хвостами.

Протянув руку к полке с книгами, он взял небольшой продолговатый черный тубус. Приоткрыв его всего на пару сантиметров, палец почему-то коснулся поверхности теплого металла. Такого раньше не было, но он не понял этого ощущения, потому что внезапно взгляд упёрся в детскую площадку. Ее поверхность вместе с качелями, скамейками, рукоходами, домиками и песочницей затянуло плотной пеленой низкого тумана, стелившегося по земле. Чозик мог поклясться, что у ее краев плескалась черная вода!

Машинально захлопнув футляр, Чозик подался к подоконнику, но родной двор выглядел как обычно.

– Ну, конечно, мы же с бабушкой метеозависимые! – стал объяснять он сам себе. – Ее даже периодически в больницу кладут к дяде Жене «попитать» сосудики после магнитных бурь. Вот бы меня тоже кто-нибудь от уроков освободил по причине неустойчивого атмосферного давления. Да и что такого в тумане, если полдня шел дождь?

На улице было тихо. Вечерние пичуги уже умолкли, а утренние еще спали.

«А сколько времени вообще? – подумал Чозик, посмотрев на настенные часы. – *Половина третьего».*

На углу дома из-за поворота вывернул свет мутных фар и, не торопясь, пополз к их подъезду. Из кабины мусоровоза выскочила пара крепких мужичков в спецовках, начав ловко выдвигать контейнеры из узкого коридора дворовой мусорки. В тишине ночи, как кот, заурчал двигатель, когда один из рабочих дернул рычаги. Мусорный бак быстро поднимался, наклоняясь над черной дырой накопителя. Чозик поймал себя на мысли, что залип. Он никогда не обращал внимания, как занятно происходит этот процесс. Второй рабочий ловко вернул пустой бак и зарядил в железную лапу манипулятора следующий. Все началось сначала.

Словно желая занять руки, в них опять сам собой появился футляр. Приоткрыв его, мальчик поставил вещицу на край стола, но едва посмотрел вниз, как площадку вновь затянуло тяжелыми мучнистыми клубами. В том месте, где стояла небольшая детская избушка, в тусклом свете фонаря дернулся и замер силуэт человека! Спрятавшись за штору, Чозик прижался спиной к холодной стене. Глаза остановились на часах. Секундная стрелка не двигалась, прекратилось тиканье механизма!

Мог он повредиться умом?

В воздухе напротив окна остановилось какое-то белое пятно. Шум работающего манипулятора исчез! Рабочие застыли в неестественных позах, будто на фото. Один с поднятой левой рукой, упершись правой в дверь кабины. Другой оказался почти под стрелой погрузчика. Обе руки опущены на рычаги управления, а голова повернута в сторону товарища.

В этом мире двигался лишь Чозик и этот туман!

Внезапно похолодало. Пелена, расступившись, закрутилась клубами. Что-то, отделившись от основного пласта, пролетело над стрелой манипулятора, чиркнув место захвата висящего бака.

Не может быть!

Мусорный бак выскочил из держателя-клешни. Опустив глаза, Чозик понял, что сейчас произойдет. Рухнув, контейнер насмерть раздавит человека!

Он попытался кричать, но вопль приклеился к голосовым связкам, не находя выхода наружу. Тогда, подобрав с полу машинку, он изо всех сил бросил ее в рабочего. Кувыркаясь в полете, она угодила мужчине в голову. Отпрянув, Чозик задел стоявшую на столе вещь, и она грохнулась на ковер.

Мгновенно все пришло в обычное движение! Мужик шарахнулся в сторону, схватившись за голову. Через долю секунды рядом грохнул мусорный бак, а белое пятно, превратившись в ночного мотылька, уже летело прочь по своим делам.

Не веря глазам, Чозик в третий раз уставился в часы. На часах по-прежнему висела половина третьего!

Перекинувшись парой шуточных фраз, мужики заскочили в кабину. Заревев, машина скрылась за поворотом соседнего дома, а детская площадка погрузилась в привычную тишину.

Чозик бросился в кровать, накрывшись с головой, его знобило. Он не мог отделить реальность от галлюцинаций. Произошедшее невозможно было описать, объяснить, понять!

Наконец адреналин выгорел, и напряжение сменилось общим бессилием. Подмяв одеяло со всех сторон, мальчик закрыл глаза и мгновенно провалился в сон.

Глава 7

На следующее утро друзья встретились в условленном месте под ветвями раскидистого клена. Недалеко от площадки стояла одинокая лавочка, за которой начиналась стена гаражного кооператива. Все пространство вокруг идеально просматривалось. Совсем не хотелось обсуждать их тайну, постоянно оглядываясь.

Театрально зажмурив левый глаз, прячась от лучика солнца, Дуся, захрустев чипсиной, выпятил нижнюю губу.

– Все-таки не сходится… Этот расплавленный песок и след в нем…

– Что?

– Стекло твердеет в течение нескольких минут. Я видел передачу про стеклодувов. Они работают очень быстро, используя специальные горелки, чтобы стекло не застывало. Плавка должна быть очень свежей.

Взяв палочку, Дуся, как взрослый, присел, принявшись чертить на земле.

– Мне показалось, что это здание или то, что от него осталось, выглядит сверху примерно так. Мы сели тут. – И, поставив крестик в углу бокового крыла, он перевел веточку в другое место. – А когда пошли на разведку, то дошли вот сюда.

Кончик уперся в пространство, похожее на холл. По его рассказу получалось, что пол там давно сгнил вместе со всеми перекрытиями, оставив только подложку.

– Песок весь, как бы это сказать… – Он покрутил веткой в воздухе, затем посмотрел куда-то вперед, подбирая слова. – Ничем, типа, не тронутый – нехоженый… Его разровняло водой, он стал как контрольная полоса в фильмах про пограничников. Я вот к чему. Чьи-то следы шли из центра этой самой площадки! Они не приходили туда, а именно шли оттуда, понимаешь? Я даже прикинул, не мог ли кто-то специально идти туда задом.

Заглянув ему в глаза, Чозик понял, что тот не шутил. Полученная информация быстро замешивалась в котле его собственного расследования.

– Ребза, я даже не мог представить, что вы умудрились запомнить такие подробности!

– Делов-то! Прибежав домой, мы покидали шмотки, задернули шторы. Я только выставил на подоконник беспроводную камеру, натянул сигнализацию на окне и входной двери из жестяных банок. Из своего штаба мы несколько минут наблюдали за пустой улицей. Хвоста вроде не было. Сожрав на двоих шоколадку, мы тут же задрыхли. А как у тебя?

Братья замерли, заметив его напряжение.

– В общем… Тогда я не знал, как правильно поступить. Думал, что родители меня уроют. Вам я тоже побоялся рассказывать, чтобы не оказаться треплом и сказочником. Но, видимо, время той истории пришло само.

– Если ты так решил, значит, на то были причины, брат, – ответил Адик, подбодрив его. – Для этого мы и собрались здесь, как наши лавочные бабки.

Товарищи по-настоящему ждали историю, которая хоть как-то помогла бы скрепить своими нитям вчерашний майский день.

– Помните, в прошлом году мы с родителями ездили отдыхать? Там всё и началось…

На обратном пути из Бреста мы сделали крюк через Лиду. Привал организовался сам собой в первом попавшемся гостевом доме. Забронили номер, как всегда, на ходу. Остановились. Небольшой ухоженный домишко утопал в лесу.

Там, конечно, было вообще классно! Днем мы даже успели купнуться в небольшом озерце и пожарить шашлык.

Перед обедом хозяйка села с нами выпить чайку на веранде. Постояльцев, кроме нас, не было, и, понятное дело, стала рассказывать о микроклимате здешних мест, вещала что-то про воздух и количество грибов-ягод, предлагала приехать погостить снова. Говорит, вы, типа,

не обращайте внимания, если земля «захочет с вами поговорить»… Мы называем эти низкие отголоски «эхом минувших дней». Здешние леса многое повидали. Где-то в их глубинах, наверное, все ещё сохранились заброшенные постройки, которые фашисты возводили еще в сороковых. Ну, а уж когда папа стал расспрашивать про историю этих мест…

Короче, расскажу как бы ее словами…

* * *

– Слухи ходили самые разные… Некоторые – на грани фантастики. Но, как вы знаете, в любой правде чистой правды немного.

Хозяйка очень интересно раскладывала военную историю своей страны и, в частности, этих мест. Про то, как после войны пленные немцы отстраивали в Беларуси заводы МАЗ, завод имени Кирова, да и вообще много чего. К 1946-му режимность объектов стала менее строгой, и даже некоторые военнопленные получили право бесконвойного передвижения. Конечно, были попытки побега, но охранным отрядам разрешалось открывать огонь на поражение. Со временем из военнопленных формировались собственные вспомогательные охранные подразделения. Отсюда бежать-то особо некуда. Глухие места, непролазные болота. Только если беглецы примыкали к бандам, ушедшим в подполье, без возможности вернуться в Германию. В общем, почти до пятьдесят пятого немцы еще оставались тут. Здешние леса пережили тяжелые бои, храня множество тайн, пролитой крови и неразорвавшихся боеприпасов.

В 1944 году наша армия перешла в наступление, освобождая шаг за шагом уже не свою территорию, а страны Европы. Фашисты, ожесточенно сопротивляясь, бросали все свободные на тот момент силы на сдерживание продвижения войск Красной Армии. Однако здесь, в Западной Белоруссии, враг еще оставался, и где-то в середине лета здесь вновь появились фашисты. Да не простые, а отборные части СС! На пути их следования все партизанские объединения были уничтожены, а местное население угнано в лагеря. Шли они прицельно куда-то вглубь. Мама на момент войны была еще девчонкой, всего увиденного осознать не могла, но абсолютно точно запомнила большие грузовики, охраняемые мотоциклистами, и несколько танков. Территория была оцеплена несколькими кругами блок-постов и патрулей.

В один из дней земля вдруг загудела, затряслась!

Спустя годы случайно оказавшиеся в той части леса люди нашли выжженную землю и поваленный лес. Что испытывали немцы в тот день, никто знать не знал. Со временем все стало забываться, а живых свидетелей не осталось.

Однако история на этом не заканчивалась.

После Чернобыльской трагедии наша область частично оказалась в зоне радиоактивного следа, поэтому здесь проводились всяческие замеры фона и анализы грунта. Спустя годы, когда секретность стала частично ограниченной, просочилась одна спорная информация… Якобы здесь была найдена не одна, а целых две радиоизотопные метки, одна из которых семидесятилетней давности! О чем могла говорить эта история, можно лишь гадать, но в том месте, где сейчас непролазные болота, во время Великой Отечественной стоял дремучий лес…

Конец рассказа был лирическим – про всякую живность, которую можно кормить чуть ли не с рук.

– Конечно же, ты не мог упустить возможность увидеть немецкие постройки своими глазами! – вставил свои пять копеек Дуся.

– Ну, естессно! Быстренько прошерстив свой рюкзак, кроме перчаток, перочинного ножа и фонаря, решил ничего не брать. Просмотрев электронные карты в нескольких режимах, обнаружил, что поблизости нет никаких строений. Сплошные болота, ни дорог, ни тропинок, ни даже проселков – вообще ничего! Но делать нечего, спрашивать у хозяйки – только планы рас-

крывать. Положившись на удачу, двинулся туда, куда она просто махнула рукой. Найти было бы проще, если хотя бы понимать, что искать…

Забрел я эдак прилично, аж страшно стало… Ходил, ходил, хорошо, что догадался исходную точку геолокации поставить в часах. Но часа через четыре я их все-таки нашел!

Можете представить? Чуть лицом не угодил в настоящую колючую проволоку, растянутую в абсолютно глухом лесу! Только благодаря ей и вышел на эту ветхую постройку…

Природа пустоты не терпит. За столько лет поднялись зрелые сосенки и ели. Плотно укоренившись рядом со стенами, они местами раскрошили кирпичную кладку. Кое-где за густой зеленью виднелись сквозные пробоины, густо поросшие мхом. Оттуда проглядывали голые лестничные пролеты с покореженными от времени перилами. А вот цокольный этаж оставался почти в идеальном состоянии.

Здание казалось мертвым, но я все равно обошел всё для уверенности. Никаких подъездных путей или тропок, трава нигде не примята. С новой позиции оказался хорошо виден частично обвалившийся лестничный проем последнего этажа.

– Ну, давай скорее, когда же ты уже полезешь внутрь! Никакого терпения с тобой не хватает! – затребовал Дуся, и оба брата восторженно заерзали.

– Не тут-то было! На крыше, среди выросших деревьев, притаился шпиль закамуфлированной мощной антенны! Она была укреплена на четыре стороны длинными стальными тросами.

– Да ладно, Чоз, ты врешь?! – протянули они одновременно. – Ты хочешь сказать, что в такой глухомани кто-то реально обитал?

– Вот слушайте дальше. На одном из столбов я ковырнул ножиком ржавую табличку с надписью: Konstrukturex. «Wir suchen nach unsichtbaren verbindungen». По языку, немецкий. Уже потом, дома, переводчик выдал: Конструктурекс. «Мы ищем невидимые связи». И знаете, что я нашел? Ничего, нет такой организации!

И все бы продолжало выглядеть так, как будто людей здесь не было много десятков лет, если бы на двух раскидистых соснах не расположились наблюдательные пункты… с современными прожекторами, что вообще перестало укладываться в голове!

– Офигеееть!

– Так и это еще не всё! В уцелевшие оконные проемы были вмурованы современные оконные решетки, смекаете? Что будет, если ломануться без рекогносцировки?

Требовалось срочно составить диспозицию на местности, но главное – определиться с планом отхода…

Глава 8

Залетев в номер, я увидел, что папа с мамой еще не вернулись с прогулки, хотя был уже вечер. Тем лучше. Накидав на листке план, решил прихватить еще бокорезы. Очень удивился, когда понял, что с нового года не вытащил из внутреннего кармана магниевый сигнальный фальшфайер. Прикинувшись спящим, я спрятался под одеялом полностью одетым. И вот черт! Весь план чуть не разрушил один единственный мамин поцелуйчик на ночь!

Братья от напряжения выдохнули, будто сами избежали провала!

– Остановившись посреди леса, я заметил, что в абсолютно чистом звездном небе надо мной летел космический корабль, и тут же подумал, что даже наши космонавты на орбите спят, а я – нет! Прикиньте, нужно было пройти в обход болота, и все это в темноте незнакомого леса.

Сидящий на земле Дусян явно запаниковал, пробубнив что-то типа «на кой нужен такой геморрой», однако, почуяв под носом кулак старшего брата, мигом пришел в себя.

– Первое, что бросилось в глаза, когда я прибыл на место: в темноте стал различим гул, раздававшийся из-под земли, – по-взрослому продолжил Чозик. – Но я все равно полез…

– Куда полез, ты же еще не придумал, как будешь отходить, если что?! – прервал его Дуся.

– Дурак потому что… Решил, что само все обойдется и пронесет…

Добравшись до бункера, я, можно сказать, расслабился, как вдруг под землей что-то ухнуло. Такого поворота я не ожидал! Хорошо, что фонарик не включил! Внутри, непонятно откуда, коротко полыхнули две вспышки. За ними последовал глухой металлический лязг, и снова ухнуло, однако дальше ровным счетом ничего не происходило.

Чозик остановился. Но вовсе не для того, чтобы испугать друзей. Было видно, как он анализирует произошедшее тогда, просчитывая, можно ли было все сделать по-другому.

– В сторону бесшумно сдвинулась стена с частью пола. Из вскрывшегося подземного тоннеля по стенам растекся желтый свет. В этот момент я чуть не заорал в голос, потому что в темноте перед дверью все это время молча стоял огромный человек!

Тот же высокий стоячий воротник, то ли каска, то ли шлем и маска с прорезями. Тогда в темноте ещё невозможно было четко разглядеть поясные подвесы.

Он провел рукой по стенке, и там ожили какие-то органы управления. Из глубины подземелья донесся топот армейских сапог. На поверхность поднялось несколько мужчин. Мне были видны лишь их очертания, но один сильно выделялся на фоне остальных. Худой человек, выше всех на голову, с идеальной выправкой. Шаги уверенные и жесткие. Этот офицер явно был старшим, потому что остальные замерли по стойке смирно.

Сколько бы я ни прислушивался, но голоса гиганта слышно не было. Он лишь изредка поднимал свою огромную ладонь, показывая знаком согласие. Худой ходил мимо и с угрозой рычал в лицо остальным. Из сказанных слов я понял только «*Wann*» – когда, «*…das ist jetzt das wichtigste*» – это сейчас самое главное, «*nächstes mal*» – следующий раз, «*Suche sehr lange!*» – ищите очень долго! и «*…unterirdischer Gang*» – …подземный ход.

А дальше началось такое!

Стоявшая до этого невидимой армированная конструкция в момент полыхнула сиреневым, создав тончайшие границы пятиметрового коридора. Его ребрами выступали пучки, похожие на извивавшиеся лазерные лучи. На устройстве рядом с черным солдатом замерцала красная индикация.

Со стороны все выглядело так, будто контактные лучи с обеих сторон образовали герметичный энергетический тоннель. Они упирались в глубокую гудящую воронку, по звуку чем-то напоминавшую колебания динамика сабвуфера…

По команде датчики на входе заморгали, но мне показалось, что ничего не сработало. Тоннель был пуст, пока внутрь не стало поступать какое-то порошкообразное вещество, начав-

шее облеплять нечто невидимое ранее! Ребята, не спрашивайте, что за технология и как все работает.

– Во черт! Они что, научились подкрашивать духов?! – не выдержал Дуся.

– Так-с… – Адик попытался закрепить услышанное, очевидно задействовав все свои технические знания. – Получается, у этих ребят имелся портативный свето-кинетический переход, уплотняющий сущностей?

– Да, и по мере трансформации призрака в материю он все агрессивнее бросался на возведенный барьер, оставляя на нем ярко-оранжевые царапины. Иногда плотно прижимался, и места контакта озарялись вспышками, оставляя на стенках защитного поля даже вмятины. Покрываясь энергетическими ожогами, его силуэт издавал нечеловеческий вой.

Окончательно стабилизировавшись, воронка втянула его в себя. Цикл повторился шесть раз, и энергетический коридор потух.

Не сказав ни слова, «Худой» отсоединил резервуар, устремившись с ним в подземелье. Там, где недавно стояли люди, снова была кромешная темнота.

– Что было дальше?!

– Дальше я сделал глупость, ринувшись без оглядки…

…Один за другим включились прожектора, скрестившись на мне. Раздались крики, и по всему телу замельтешили синие точки. Став зелеными, они плотно зафиксировались на одежде, начав жечь так, будто в этих местах забивали раскаленные гвозди. Ноги, становясь ватными, отказывались подчиняться!

– Как ты выпутался?! – перепугался Дуся.

– Папа как-то сказал, что, если что-то не получается, нужно просто закрыть глаза и заставить себя не думать о проблеме три секунды. Сделав так, ответ пришел мгновенно, и я рванул обратно к зданию. Не обращая внимания на боль, я влетел в бункер. В голове пульсировала лишь одна мысль: смогу перелететь последний лестничный проем, или ОНИ не дадут?

Оказалось, что мой организм абсолютно не был готов к погоне. Перепрыгнув провал, я чудом грудью не налетел на торчащую арматуру, но боли от удара не почувствовал…

– Это все их оружие!

– Точно! В общем, пройдя вскользь, арматура словно лезвием рассекла куртку, но я понимал, что преследователи были готовы на всё, чтобы их секреты остались нетронутыми. Кто-то, перелетев следом, вцепился мне в ногу.

«Не так бистро, мальенькая свинья», – раздалось сзади его грубое рычанье.

В тот момент я уже знал, что соскользну по тросу, накинув поверх него бокорезы, поэтому просто вмазал ими в темноту.

И вот начался спуск!

Ничегошеньки не было продумано заранее. Резиновая изоляция ручек от вибрации сползла, и я кубарем рухнул, расквасив губу и нос. Прожектора уже рыскали позади, а над головой пронеслись с электрическим жужжанием те самые голубые элементы, которыми бахнул по нам «черный солдат». Угодив в крупный ствол, через мгновенье они разорвали без пламени ствол изнутри.

Чудом не угодив под упавшую сосну, я брел в непонятном направлении, чувствуя, что сил бороться больше нет. Погоня за мной точно была, но морально я уже сдался.

– Слушай, как же ты оторвался? А они пускали сторожевых псов? Неужели у них не было ночников?

– Догонять меня уже не требовалось, я сам загнал себя в ловушку. Влажная пружинящая почва была болотом. Я слишком поздно понял, что это та самая гать[8]. В памяти всплыл рас-

[8] Гать – настил из бревен или хвороста через топкое место. В толковом словаре Татьяны Ефремовой отмечено, что под этим словом могли также понимать само болото, трясину или топи.

сказ хозяйки, что из местных топей никто никогда не выбирался. Трясина в считанные минуты могла целиком поглотить лошадь с повозкой и даже небольшой автомобиль. Дальше могила быстро затягивалась ряской и всё… Гиблые места живут своей, никому не известной жизнью. Болото – это организм, дышавший, двигавшийся, хотевший есть… Старожилов, знавших потаенные тропинки, никого не осталось, а кто совался не знавши, заканчивали свою жизнь примерно так.

В ярком лунном свете болото простиралось, насколько хватало глаз. Даже жабы замолкли, боясь помешать охоте проголодавшейся болотной бездны. Она готовилась принять очередного заплутавшего путника, выпуская со дна пузыри донного газа, будто запуская пищеварение.

Вдалеке, среди гнилых деревьев, что-то двигалось в воздухе, никак не нарушая мертвенной тишины.

– Взял бы палку и пошел вперед, зондируя дно, – сориентировался Адик. – Сам же сказал, что болото переменчиво! Может, пронесло бы?

– Ага, это только в сказках так бывает. Тут тебе и палку, и веревку оставили. Они окружили меня, понимаешь! Вокруг только эта жижа и немцы!

Мгновенно осознав абсурдность своего совета, Адик вздохнул, а Чозик уже рассказывал дальше.

– И тут я увидел его – настоящий раскуроченный фашистский танк с оторванной башней, представляете!

– Ого, такую махину должно было удерживать что-то крепкое?

– Точно! Я хотел спрятаться внутри, но под ногами что-то хрустнуло, спустя мгновение я провалился с головой…

Первое, что пришло в голову: я угодил в волчью яму, но, проведя руками вокруг, не обнаружил никаких кольев и попробовал двигаться на ощупь.

– Ну теперь-то понятно, почему ты все это время молчал.

В подтверждение Дуся закивал головой, подперев щеку.

– Родителям следовало бы тебя выдрать. Там бы тебя никто не нашел… даже с собаками…

– Что это за место, не томи, а! – ерзая, подгонял Дуся в ожидании развязки.

В такие моменты он обычно начинал косолапить, засовывая ладони между коленок, подавшись вперед. Казалось, друг впитывал рассказ всей поверхностью своего тела.

– Идти получалось медленно, сильно мешали проросшие внутрь корни. Свет смоляных спичек осветил пространство сырого бетонного сооружения. Когда уровень болотной воды опустился, в куске кирпичной кладки удалось разобрать ржавую металлическую дверь с огромными петлями. Не с первого раза, а, наверное, с двадцать первого мне удалось приоткрыть ее настолько, чтобы в щель смогла пролезть голова. Помещение по ту сторону оказалось сухим. Тут я наконец запалил магниевый файер.

В секунду помещение наполнилась ярким бело-красным светом. Это была крошечная комната. За столом посередине сидел скелет человека в истлевших одеждах, раскинув руки в стороны. В угловом люке постоянно слышался гул стекавшей воды.

По ту сторону зазвучали тяжелые шаги, и за ручку потянули так, что бронированная дверь стала гнуться. Тут же лопнула балка перекрытия, осыпав сверху куски бетона. Когда дверь почти слетела с петель, я увидел ЕГО! Это был нечеловеческих размеров немецкий солдат в черном кожаном плаще. Протиснувшись лишь наполовину, он метнул в комнату устройство! Внутри уже пульсировал тот самый голубой свет, точь-в-точь как в его оружии. Элемент вызвал какое-то искажение, и воздух вокруг меня будто помутнел.

– Если бы граната рванула?! – От волнения Адик даже привстал.

– А она и рванула… только по-своему. Воздух над ней разорвался, накрыв меня двухметровым матовым куполом. Будто оказавшись на стекле, подо мной разверзлась воронка черно-серых облаков, круживших в бездонной пропасти. Как вдруг оно словно лопнуло! Неведомая сила, зацепив меня световыми крючьями, начала втягивать внутрь бушующего смерча. Сначала кожу обожгло жаром, а потом ледяным ветром! Вращавшиеся жернова уже вобрали в себя мои ноги, когда, подтянувшись за край, я наконец смог выбраться и отползти в сторону. Купол схлопнулся, и видение тут же исчезло.

Голова раскалывалась от боли, тошнило, из носа хлынула кровь… Потолок еще держался, но по лопнувшей балке уже вовсю хлестала вода. Оставалось жить считанные секунды.

– Тебе не удалось ничего прихватить? – осторожно спросил Адик, как бы желая расширить границы повествования. – Какую-нибудь фашистскую атрибутику, хоть мусор? Чисто поглядеть?

– Не веришь? Ну тогда слушай дальше. В руке мертвеца был зажат продолговатый предмет, густо покрытый пылью.

Лишь я скрылся в люке, как позади произошел обвал, и комнату смяло. Дальше – всё…

Файер погас в течение следующих секунд. Меня долго несло по какому-то каналу. Наконец водный поток, утратив силу, позволил подняться. Непонятно как я нащупал ржавые лестничные дуги, уходившие вверх, и, поднявшись, вытолкнул гнилую крышку колодца, оказавшись на свежем воздухе…

Меня спасло то, что его не затянуло дёрном, сверху не выросло дерево или куст. Не поверите, но я тащился обратно просто по ориентирам своей дневной вылазки.

Погода внезапно испортилась, принеся с собой дождик, перешедший в ливень. Ополоснувшись в бочке с водой, я влез обратно в окно, перед этим выкинув всё драное шмотьё.

Наутро еле встал, наверное, превратившись в один большой фингал. Оцарапанная шея, коленки, правый локоть, стертые в кровь ладони, опухший нос и разбитая губа… Натянув свежие вещи, скрывшие большую часть следов ночного похода, я вышел к завтраку.

– А хозяйку не жахнул удар?! – выпалил Адик, оказавшись целиком вовлеченным в рассказ.

– Она уронила сковороду, закрыв лицо руками, но папа, оглядев меня сверху донизу, просто произнес:

– Сдается мне, дружочек… Ты либо послушался совета старших и всё-таки догнал того дикого вепря, чтобы насильно покормить с руки, либо… что более вероятно, бился во сне с несметным полчищем врагов.

Мама, прищурив глаз, взяла мою ладонь. Зажмурившись, я заплакал, но тайны не выдал. В то утро для меня всё закончилось перекисью водорода, йодом и бинтом. Кивнув, она показала, что я «круть», и как ни в чем не бывало пошла собираться в дорогу.

…а хозяйка – она так и осталась стоять, держась за сердце…

– И всё?!! Ты не получил по шеям?

– Сам офигел! Видимо, родители давно опустили руки. Не убился – и хорошо. Зачем спрашивать, если все равно услышишь историю типа «шел-шел и упал с дерева».

Тогда я понял одно: тот дренажный канал под болотом был построен до его появления!

Покидав все в машину, мы поблагодарили хозяйку за прекрасный отдых, а про найденный трофей я позабыл на добрых пару месяцев…

Троица погрузилась в тяжкую думу. Адик шепотом строил какие-то версии. Чозик просто замер, уставился в одну точку. Дуся чертил каракули на земле. Каждый пытался склеить рассказ с тем, что произошло вчера.

Вдруг на голову Дусе сверху упало яблоко! С клена – и яблоко? Он взвизгнул, а старший брат уже вскидывал в воздух рогатку!

К их удивлению, среди листвы метрах в четырех над землей показалось девчачье лицо. Подмигнув, она, как обезьяна, несколькими уверенными движениями спустилась пониже и спрыгнула на землю. Медленно встав на ноги, она посмотрела на троицу насмешливым взглядом, подобрав скинутый рюкзак. Дуся замер в абсолютном недоумении. Адик провел пятерней по лицу и, опустив голову, замотал…

Все было понятно: что слышали они, слышала и она! И только Чозик вдохнул полной грудью. Ему как никогда было легко удерживать это дыхание, потому что это была Маша!

– Знаете что, мальчики? Либо вы так ловко ездите друг дружке по ушам перед самыми каникулами, либо это крутейшая история, которую я когда-либо слышала!

Быстро подняв яблоко, она обтерла грязь о штаны, с треском откусив.

Глава 9

– Вы на меня так смотрите, будто я у вас что-то сперла! – Девчонка бросилась в атаку первой, решив не откладывать. – Дико извиняюсь, что влезаю в ваши мужские дела, но подобная организация никуда не годится. Я вас застукала в прямом смысле за обсуждением «сказочных секретиков». Другие бы на моем месте уже постили вас, а весь класс показывал пальцем. И не надо думать, что мы с вашим другом остались заклятыми врагами после того, как год назад в честном поединке чуть не разнесли подъезд, получив прививки от бешенства! Ничего подобного, мы вообще-то давно помирились!

– От столбняка вообще-то… – тихо поправил Чозик.

Дуся с братом вопросительно уставились на товарища. Тот поднял брови и, замешкавшись, ответил, заикаясь:

– Мы с Машей никогда и не ссорились…

– Мы с Машей? Никогда чего?!!

Братья ничего не понимали. Вчерашний день был настолько насыщен, придумать что-либо в дополнение было просто невозможно!

Оказывается, они даже хорошо знакомы!

Обойдя вокруг, Дуся встал сбоку. Он был примерно на полголовы ниже нее, поэтому незаметно встав на обломанный кирпич, заглянул ей прямо в глаза.

– Как там тебя зовут? Маша? Так вот, Маша с Уралмаша… У нас действительно появилось серьезное дело! Если тебе удалось нас подслушать, то это все равно ничего не меняет! Девчонкам нечего делать в мужской компании. Можешь сделать «ку-ку» и лететь дальше! Мы всегда раскрываем тайны только на троих. Хочу сразу предостеречь от словечек типа «чудики» или «тронулись». Тебе, наверно, за пределы детской площадки-то выходить не разрешают? Тут занимаются серьезными вопросами, потому что мы – следопыты! А то…

– А то что?

– А то – то!

Надо сказать, здесь Дуся явно перегнул. Еле уловимым движением протянув его за кисть, она ловко подвернула руку, и, пискнув, Дусян осел.

– Так вот, чтобы не было никаких недомолвок… Во-первых, меня зовут Маша. Второе – что ты вообще знаешь об Уралмаше?! В-третьих, я умею держать язык за зубами получше некоторых, не допуская утечки секретной информации! И последнее… Прежде чем бросаться грубыми словами, изложи хотя бы одну складную версию того, о чем рассказывал ваш друг. Ты не задал ни одного вопроса – просто заглядывал ему в рот и поддакивал!

Она немного додавила вывернутую руку, и Дуся подтвердил ее слова писком.

– А где же вопрос про подземные врата? Зачем черный человек нашел твоего друга спустя год и как он это сделал? Что они так долго искали в тех болотах и никак не могли найти? За что ругал худой своих подчиненных и кто они вообще такие? А если это иностранные шпионы? И, наконец, главный вопрос, на который есть конкретный ответ… Что держал в руках тот мертвец?!

– Пустиии-и, больно, – заныл Дуся. – Был неправ… Чозик, ну, скажи ей!

В его голосе уже слышались слезы. Она подала поверженному руку. Не поднимая глаз, чтобы не показать своей слабости, Дуся не мог не заметить ее крепкие мышцы.

– Прости, я просто… не сдержался. Для меня все девчонки на одно лицо, я им не доверяю, вот…

– Забыли, – ответила Маша, закидывая рюкзак за спину. – Все это ерунда. Чозик – интересный позывной. Легко запомнить – просто вызвать. Почему Чозик, а, например, не Шмозик?

Атмосфера разряжалась, и Адик, готовый броситься на защиту младшего брата, почувствовал, что опасности больше нет.

Девочка оказалась необычной. Внешне щупленькая, а внутри как заряженная пружина. Немного бросались в глаза оттопыренные уши, приподнимавшие волосы, но они совсем не казались чем-то ужасным. Иногда она походила на какого-то юркого, но очень опасного лесного хищника.

А как она соображала! Разложила все по пунктам, четко обработала в голове проблему и не став смеяться. Разглядела в их болтовне не детскую сказку, а реальный смысл!

Адик не мог поверить, что так бывает.

– Ребята, я на секундочку!

Они остались втроем. Дуся ощущал себя уже намного лучше.

– Меня зовут Дуся, но ты не думай – меня так можно звать только очень близким, – беззлобно протянув ей руку, сказал он. – В обычной жизни я Тёма. Хочешь узнать, почему Ромика зовут Чозиком?

Они с другом прыснули. Теперь уже Маша удивленно смотрела на новых знакомых.

– Короче, дело было так… У нас дачи находятся в одном и том же месте, прям дом к дому. И вот однажды откуда ни возьмись у нас на участке стали появляться норы. Это заполз шальной крот и давай рыхлить мамины грядки вдоль и поперек. Но это полбеды. С другой стороны их начала пахать медведка! Мы расстроились невозможно. Папа сказал, что крот найдет медведку и сожрет, но не тут-то было! Теперь они хреначили на пару. То ли крот не мог ее догнать, то ли они вообще подружились, но спасу не было никакого. Причем так было только у нас! На другие участки они переползать не хотели. Однажды, стоя на перепаханном огороде, мы всей семьей просили насекомых и животных немного пожить на участке Ромика.

Ребята вновь залились смехом, и на этот раз на Машином лице тоже появилась улыбка.

– Вызывали всевозможных гуру по борьбе с вредителями, ставили мегатехнологичные ловушки, но все без толку. Настал момент, когда наше психическое здоровье оказалось под угрозой. Папа ходил с вилами по огороду, втыкая их в землю, и припудривая крепкими словечками. Был случай, когда он пальнул в нору из ружья, когда ему показалось, что земля двигается… И вот в один из вечеров наши родители собрались на шашлыки. Мы уже были не в состоянии слушать их бравые речи, двинувшись втроем решать проблему оккупантов.

– Вот! – сказал Адик, запыхавшись. – Держите…

У него в руках было четыре эскимо. Первое он сразу отдал Маше. Дуся получил свое только после щелбана. Зашуршали обертки. На несколько секунд рассказ прервался.

– …я предложил разбить участок на сектора, – сказал Адик, слизывая куски шоколада с обертки, поняв, о чем рассказ. – У нас оставались дюралевые бортики для грядок. По моему мнению, заглубляя их в землю, можно было постепенно оттеснить насекомое и животное в свои сектора.

– Все логично, но где взять столько металла, чтобы перегородить шесть соток?

– Вот и я ему то же самое сказал! – обрадовался младший брат. – Мой план был куда практичнее!

Пришло время Дусяна излагать свою задумку.

– Короче, планировалось взять колонки от музыкального центра и, замотав в техническую пленку, положить динамиками вниз, врубив что-нибудь с басами. От акустического оружия никто бы не выжил!

– Хм… По всей вероятности, первыми бы повесились соседи – круглосуточно слушать «Dimmu Borgir»[9] или «Cannibal Corps»[10]?

---

[9] «Dimmu Borgir» – норвежская группа в жанре симфонический блэк-метал.

[10] «Cannibal Corpse» – американская дэт-метал-группа.

Дуся был настолько поражен, что даже перестал лопать.

– И тут настал твой черед? – уставилась она на Чозика.

– Ты совершенно права, – произнес Адик. – Всё, что мы предлагали, было круто только на словах. Чозик у нас известный профессор приспособлений двадцатого века и древних гаджетов.

Он гордо похлопал друга.

– Подумав несколько секунд, он все взвесил, ненадолго исчезнув у себя на участке. Вернулся с небольшой гремящей банкой, маминым феном и воронкой из пластиковой бутылки. Мы были в недоумении, но то оказался гениальный до жути план! Его следовало занести в анналы борьбы с кротами и медведками!

Все снова засмеялись.

– Найдя самый широкий ход, мы забросили внутрь карбид, полили водой и потихоньку включили фен.

– Что-что забросили? – спросила удивленно Маша.

– Да ничего, это такие черно-серо-белые камни, которые бросаешь в воду, и они начинают шипеть, выделяя вонючий газ. В остатке белая каша, а по-научному – гашеная известь.

– Ацетилен распространяется по норам, и хлоп – все враги изгнаны! Минут через двадцать наружу кое-где стали просачиваться его серые струйки. Мы с братом были просто шокированы широтой мысли – крот выгнан, огород удобрен! Все было почти закончено…

Высунув руку, Ромик выдал в эфир заслуженную речь победителя!

…Когда за дело берутся природные самородки,
Профессионалы нервно курят в сторонке,
Хоть гарантии мы не даем никакой,
В нашем деле не может быть жалкого «Ой»!

Ну, а дальше, ни слова не говоря, он зажигает спичку и бросает под ноги… В небо поднялся столб земли высотой метра три, сопровождавшийся глухим хлопком. Местные птицы после этого дня два не пели.

В этот момент музыка у родителей остановилась, и они ломанулись на полигон… Посреди воронки три на три стояли мы, полностью покрытые редисом, укропом, морковкой и еще каким-то силосом… В этой зловещей тишине все услышали Ромин загробный голос: «Чо за на…?!»

– С этого дня его стали звать Великий «Чо-за-на». Позже императорское прозвище мы сократили, и он навсегда стал для нас просто Чо-зик!

– Ну, а крот-то что, умер со смеху?

– Не-е-е, он реально оказался в зоне поражения, заработав как минимум контузию. Сначала мы хотели отнести его в лес, но потом решили по-другому. Папа аккуратненько выпустил его на участке вредных соседей, тем более у них земля вроде не копалась. Вот он там им все и вскопал! А медведки вообще след простыл.

Все залились громким смехом.

На утро две семьи в полном составе фотографировались на фоне воронки от первого в мире испытания противокротомедведкового оружия массового поражения грядок. Теперь эта фотография висит в рамке у всех дома!

Папа нас похвалил за находчивость, но прибавил: «Никому никогда не говорите, что ваш папа полицейский». Мама хоть и лишилась урожая, но ругаться не могла, а только смеялась, получив миллион отзывов на снятый репортаж.

– Вообще, у нас родители очень отходчивые и понятливые. Получить по шее за дело – вопросов нет. Но если это самое дело обосновать, то техподдержка гарантирована! – закончил Адик, подмигивая друзьям.

Глава 10

Минула неделя, а Маша не расставалась с мыслью, что они по-прежнему слепы.

«Такие серьезные люди упускают примитивную мишень – ребенка-школьника! Что это?»

Были и другие вопросы, но на три из них ответ был готов…

Накануне праздника Великой Победы следопыты неспешно брели по поселку. Вечера были сказочно длинными, повсюду летали неповоротливые майские жуки и вкусно пахло молодой листвой. Даже Дуся, который никого не пускал в свое сердце, теперь воспринимал Машу как подругу, с которой знаком много лет.

Фонари на улице были все еще не современные. Их свет где-то был желтоватый, где-то белый. На стеклянных плафонах висели перекошенные крышки, покусанные ржавчиной, но они были такие родные! Деревца, когда-то высаженные рядом с фонарными столбами, давно переросли своих воспитателей. Нависавшие ветви образовывали арки-шатры, под которыми стояли уютные лавочки.

Нужно было расходиться, завтра же праздник!

Требовалось немного доработать самодельные открытки. Маша вызвалась помочь, и мальчишки наперебой стали уговаривать научить ее что-нибудь мастерить. Адик сказал, что у нее будут самые красивые бумажные розы. Дуся предложил украшать ветки березы с распустившимися листиками цветами из гофрированной бумаги. Ну, а Чозик, конечно, покажет, как сделать праздничные ракеты. В ответ они услышали совсем простой вопрос:

– Когда приступим? В час ночи или в два?

Как же незаметно бежало время!

Входя в свой подъезд, Чозик пропустил ее вперед, и вдруг волосы зашевелились на голове. Кто-то или что-то наблюдало за ним из темноты детской площадки. Будто завязывая шнурки, он присел, осторожно повернув голову.

«Так сон это был или нет? Может, все-таки почудилось?»

Их парадный с десяток лет не знал электрического света. Он попадал сюда либо от солнца, либо от звезд… Подойдя, Маша словно смотрела сквозь него.

– Они ждут… потому что у тебя есть то, что им очень нужно, понимаешь? Не говоря о том, что ты просто опасный свидетель.

Эти напрямую сказанные слова в миг прорвали его психологическую оборону, которую он возводил вокруг себя в течение года.

– …у меня, кстати, тоже было несколько кличек, – начала она без тени смущения. – Как, думаешь, меня звали? Не стесняйся, принимаются любые варианты.

Набравшись храбрости, он нерешительно выдал:

– Бандикут?

Ожидая, что за такое она влепит ему пощечину, Чозик зажмурился.

– А ты не прост, как я посмотрю, заметил-таки мою особенность. Хвалю! Уши-лопухи, моя боль… подводят частенько.

– Да не! Ты чего, я не то имел в виду! Их и не видно вообще!

– Их не видно, потому что я ношу задние силиконовые вставки. – Она подмигнула. – А по поводу подводят… они на бегу развеваются и тормозят скорость! Ладно, шутка. Точно не из-за этого я перешла из бобслея в фигурное катание, не думай!

Чозик от удивления так выпучил глаза, что икнул.

– На самом деле бандикуты красивые, но родители меня называют Фе́нек.

– Это типа ушастого лиса?

– Видно, что книжечки почии-итываешь, мне уже с вами нравится. Те редкие люди, кто слышит мое прозвище, спрашивают: «Что еще за финик такой?»

Она улыбнулась.

– Они все просто недалекие…

Но в этот момент Маша стала внезапно очень серьезной, перебив:

– Ты ни слова не сказал про трофей из подземного бункера… Почему?

* * *

Адик открыл глаза. Он слышал, как в окно билась муха. Насекомое искало выход. Фасетчатое зрение обеспечивало прекрасный обзор, защищая от нападения, но стекло было непреодолимым препятствием. Вроде бы вот она – свобода. Цветы, объедки пищи, мусорка.

В который раз он попытался сложить два и два, но у него ничего не выходило.

Чозик плюс человек в черном плаще равно…

Вдруг его щелчком ударили по носу. Муха, решив сделав круг, угодила прямо в него. От взмахов она резко изменила траекторию, оказавшись у форточки, и хлоп – очутилась на воле! Лишь стихло жужжание, перед глазами выстроилась нужная картина!

Получалось следующее…

«Мы же втроем и есть мухи на этом стекле!

Смотри-ка, – будто обращаясь мысленно сам к себе, продолжил он, *– для нее существует ма-а-аленький, но выход. Может показаться, что насекомое само находит его, но ничего подобного! Все изменила череда событий: она встречает мой нос, увертывается от рук, и только после дорога выводит ее к форточке».*

– Значит, вот как это работает? Нам нужен некий стресс или ситуация, которая изменит направление нашего мышления, заставив думать по-другому!

«Для мухи внезапная опасность – это мои руки. А чем это станет для нас? Какую случайность нужно пережить? Только вот случайность – это такая штука, которую нельзя спровоцировать, она приходит сама. Тогда сколько ее ждать и где при этом нужно быть?

Тот гигант вышел к нам не случайно! Он точно знал, что делать, и наверняка будет снова готовиться к подходящему моменту. Значит, мы с ним, как я с мухой. Я-то знаю, где форточка-выход, зато муха слишком мала, чтобы ее просто так поймать…»

Глаза невольно остановились на рамке с их любимой фотографией из детского сада, где три верных товарища были вместе.

Плавая в мыслях, Адик вспомнил про время. Семь утра…

– ЁПРСТ! Мы ничего не успеваем!

Сбросив одеяло со своего брата, в ответ услышал недовольное бурчание, упоминавшее какую-то необычную «силу». По голосу стало понятно, что проснуться в хорошем настроении – не наш вариант.

– Слышь, а ну давай вставай, дрыхлятина! Нам еще маме нужно помочь упаковать цветы, одеться и позавтракать. Кто не поспешит, тот не найдет гильзы от автоматов, когда будет салют!

С этими словами Адик стал щекотать брата, тотчас получив от него пяткой.

– Ах так?!

Поискав диск в сломанной коробке, Адик взял его в руки. Он давно собирался выкинуть это старье, но вот настал его звездный час. Поставив проигрыватель повыше, чтобы брат не смог дотянуться, Адик выкрутил громкость.

В принципе, он ничего не имел против этой старой музыки, но уж больно жестоко жгли там мужики. Вот только вокал Тома Арайи[11] в течение секунд десяти конкретно выбешивал

[11] Том Арайя – солист группы Slayer. Группа из основоположников стиля треш-металл

маму и бабушку. Папа обычно держался дольше. Альбом старый, так-то 1986 год, но грохот и абсолютное отсутствие музыки, по мнению бабушки, было ключевым! Было трудно представить, но они исполняли это, когда папа ходил во второй класс, а их ударник Дейв Ломбардо даже сам придумал сдвоенную педаль на бочку, которой теперь пользуются музыканты во всем мире! Тогда в СССР вообще тяжелой музыки не было, кроме зачатков рока.

Поэтому лучшего будильника, чем «SLAYER», не найти!

Выскочив из комнаты и заперев Дусю на замок, Адик спрятался в туалете.

После первого проигрыша из комнаты раздавались бешеные вопли! Брат метался в поисках источника заразы, ничего не соображая. Еще через некоторое время по батарее застучали сразу из нескольких квартир.

Адик знал, что близится час расплаты и он будет наказан. Но было понятно и то, что на 9 мая не наказывают, поэтому он расслабился и принялся спокойно пи́сать…

* * *

Сидя за завтраком, Дуся хмурился.

– Как вам не стыдно?! – говорила мама. – В такой знаменательный день для всей страны включать эту людоедскую музыку, когда должна играть патриотическая? У этих музыкантишек нет ничего святого, они и выглядят соответственно! Небось, поют о том, что мы ничего не понимающие дураки!

– Я знаю, мам, но этот хомяк не хотел вставать, а у нас еще куча дел. Это был будильник… Своеобразный, но будильник, – сказал Адик, опустив голову.

– Для всего подъезда?

Покрутив в руках диск, папа аккуратно убрал его за шторину.

– Мне другой альбом больше нравится, – случайно вырвалось у него.

– Да вы оба издеваетесь надо мной, что ли?!

* * *

Стоя нарядными, ребята ждали Машу. Внезапно потеряв дар речи, они увидели ее, бежавшую со стороны леса! Джинсы промокли насквозь, колени просто чернющие. Волосы в тугом хвосте под черной банданой. На шею съехал платок, который до этого закрывал лицо. Куртка защитного цвета была испачкана копотью. По скуле пролегла глубокая царапина. Рюкзак за спиной, и в нем явно что-то тяжелое.

Быстро скинув сумку на траву, она попросила десять минут «на переодеться», и бегом скрылась в подъезде. Содержимое глухо звякнуло о бордюр…

– Где ты была?

Но она не сразу ответила. На ее лице была совсем не праздничная задумчивость.

– Всё, что вы рассказали, правда, – ответила она.

– Конечно, правда! Мы никогда не врем друг другу, а ты наш друг!

– Я не в том смысле. Конечно же, я вам поверила, но всё намного хуже…

Она остановилась. Людская река, двигавшаяся к обелиску памяти, стала обтекать их, немного забурлив и загудев. Ребята сдвинулись к обочине, и ровный поток снова восстановился. В глубине души Чозик догадывался, почему Маша была такая чумазая.

– Ты в одиночку нашла дорогу в тот дом?

– Да… и если вы про труп, то его там не было, – опередив все возможные вопросы, ответила она. – Сходим на митинг, поздравим наших дорогих дедушек и бабушек, посмотрим салют, потом все расскажу…

Несмотря на примерно одинаковый возраст, ее манера говорить и думать кардинально отличалась от их. В головах мальчишек было больше красочных фантазий, а поиск фактов основывался на том, как бы поступили герои фильмов. Впервые за несколько дней общения с Машей Чозик понял, насколько мозгами они были младше нее.

– Ну, давай, не томи, рассказывай!

– Нечего рассказывать. Часть постройки обвалилась. Кострище, расплющенный мангал, еда – все на месте. Самое сложное было работать под грудой обломков. Застывший металл нужно было сначала найти, пришлось повозиться. Вот там и поцарапалась.

Она снова погрузилась в какие-то мысли.

– Нам понадобится укромное место…

– Предлагаю махнуть на просеку. Там идет дренажная канава, сбоку насыпь… – предложил Дуся.

– Не пойдет. Сегодня праздник, там куча зевак! Предлагаю заброшенную котельную, там точно сегодня никого.

– Не-е-е! Достаточно заброшенных домов!

– Ладно, все с вами понятно! – прервала товарищей она. – Пойдем в мое место. Надеюсь, высоты никто не боится? Все умеют ходить по забору?

Глава 11

Ребята шли молча по дорожке вдоль хозяйских огородов. Приходилось признать, что эта область следопытами была совсем не исследована. Родители с детства пугали их бродячими собаками, жившими там. Перебираясь через гнилые бревна, компания достигла покосившегося забора с колючей проволокой.

– Я сейчас справлюсь с этой проблемой, – сказал Чозик, потянувшись за кусачками.

– Не стоит, – оглядываясь по сторонам, ответила Маша.

Она подошла к задней стене одного из сараев. Хотя строение было ветхое, пройти дальше оно не позволяло. Раздвинув парочку досок, она пригласила их внутрь.

– Отпад! – прошептал Адик.

Протиснувшись, они уже смотрели на привычный мир сквозь острия осколков стекла перекошенных оконец и клочья паутины. Вдоль стен был навален дореволюционный мусор. На стенах позвякивали цепи молотилок[12], покачивались серпы и косы.

– Не следует здесь задерживаться, можно надышаться плесенью. Нам дальше, пригните головы.

Ее фонарик осветил следующий сарай изнутри. Эта постройка была еще более старой. Здесь покоился давно кем-то брошенный «Москвич-402». Некогда модная машина ушла в мокрую землю, сев на брюхо. Покрышки давно сопрели, металл при касании крошился.

– Хренась! – удивленно сказал Чозик, показывая пальцем в салон москвичонка.

– Ничего не трогать! Я не для того здесь все расчищала и перекладывала.

Дойдя до тупика, она открыла еще один потайной лаз. Все оказались в небольшом пространстве рядом с бетонным трехметровым забором.

– Я не смогу, – заныл Дуся.

– Не всё так страшно, – сказала она с улыбкой, показывая пальцем на яблоню. – По деревьям хотя бы лазить умеем, мальчики?

Цепляясь за ветки, она быстро оказалась на краю забора, встав на его скошенный торец. Медленно, подбирая шаг, ребята осторожно двигались по ее следам. Первым был Дуся, которого то и дело подгонял брат. Но сюрпризы на этом не кончились.

– Внимательнее! Кто решит упасть, желательно это делать направо. На другую сторону не надо – там настоящие собаки охраняют.

Маша спокойно шла по забору, насвистывая что-то под нос. Дуся двигался, качаясь, широко балансируя руками.

– Кстати! Хотела спросить… С учетом того, что вы такие «серьезные» ребята, у вашей команды есть какие-нибудь свои знаки, движения, известные только вам?

Все уставились на нее, не понимая.

– Я так и думала.

– А это зачем?

– Ну, как зачем? Чтобы никто не понял, что вы, например, затеваете. Ну, или когда нужно бесшумно сообщить друг другу о чем-то.

– А ты знаешь такой язык? – спросил Адик.

– Конечно! Сама разработала!

– А как это?

– Все просто! Например, левая рука – это количество, правая – материал или качество.

Она показала пацанам выставленные на обеих руках указательные и средние пальцы.

---

[12] Молотилка – приспособление для механического отделения зёрен пшеницы, ржи и других злаков от плевел. Рукоятка, с другой стороны цепь с молотильным элементом из кругляка.

– Ну?

– Ну-у-у, типа ножницы, – неуверенно сказал Дуся.

– Не «ну, типа ножницы», а двое ножниц, и находятся они слева, потому что два пальца левой руки стоят горизонтально! Теперь ясно?

– А ну-ка давай еще! – послышался сзади голос старшего брата.

– Да пожалуйста!

На этот раз левая рука демонстрировала только один указательный палец, а правая «козу». Все смотрели, не понимая ребуса, но Чозик все же рискнул.

– Загнутые пальцы справа говорят о чем-то железном. На левой руке – один. Значит, «один железный предмет»?

– Ответ засчитывается на твердую четверку! – Маша захихикала. – На самом деле, язык этот надо серьезно дорабатывать, тогда все будет. Короче, это просто обозначение «металлического шила» на моем языке. Из материалов пока есть еще бумага.

– Да-а-а, не густо… – недовольно произнес Адик. – Прям скажем, легче выучить язык глухих… Не представляю, где эта чушь может пригодиться.

– Придет время, еще спасибо скажешь! – ответила она, ни капли не обидевшись. – Ну, вот и пришли.

– А дальше?

– А дальше внутрь…

Раздвинув листья и сделав шаг вперед, Маша полностью скрылась внутри раскидистых веток.

Это был настоящий штаб на дереве, полностью скрытый от чьих-либо глаз. Забравшись еще выше, следопыты оказались примерно на высоте десяти метров над замлей. Меж толстых веток перекинуты доски. Над лавками подобие крыши – тент из непромокаемой ткани зеленого цвета. С боков шалаш оказался затянут в настоящую маскировочную сетку. На уровне нижней «лавки» укреплен небольшой столик. Здесь на прибитом к ветке гвозде висела керосиновая лампа. Из необычного – две свернутые бечевки, коричневая и зеленая, на которых Адик задержал взгляд.

– …это на случай шухера, – предупредила Маша его вопрос. – Коричневая сбрасывается направо, зеленая – налево.

– А такое может быть? – задрожавшим голосом спросил Дуся. – Шухер?

– Может быть и не такое, – размыто сказала она, показывая шрам сбоку на животе.

У Чозика закружилась голова. Они проучились бок о бок целый год, а он вообще ничего о ней не знает.

– Так, смотрите… Могу угостить сухарями.

– Да, Чозик… – весело сказал Адик, а Дуся неумело подмигнул. – У тебя появился конкурент?

– Мы в одной команде вообще-то. Чозик знает и умеет намного больше меня. Я так, скромный подмастерье по сравнению с ним.

Он покраснел.

– Всем удобно? Тогда перейдем к делу.

Перед ними опустился тяжелый слиток. Его рваные края оказались загнуты. Гладкий снаружи и сильно искаженный внутри.

– Узнаёшь застывшую струю, угодившую в лицо черного стрелка? Сначала я расскажу, что мне удалось определить.

Ребята и не думали спорить.

– Во-первых, на внешней стороне не видно вкраплений песка, а это говорит о том, что прошло достаточно времени, и свинец остыл прямо на его лице. Во-вторых, на внутренней

поверхности не видно никаких следов кожи, волосков и мяса… Занюхните! Как такое может быть? Не может! Был бы хотя бы струп, а здесь ничего!

– Аааа… что такое струп? – спросил Дуся, но его вопрос остался без ответа, потому что уже первых двух пунктов было достаточно, чтобы полностью поглотить внимание мальчишек.

– Ну, и в-третьих… – решила подытожить она, но ее опередил Чозик.

– …а в-третьих, кипящий свинец полностью расплавил бы его лицо, и оттиска бы не получилось!

Маша кивнула. Ребятам открылся четкий рисунок той части лица, на которой он затвердел. Были видны борозды, линии, складки, углубления и выступы, но как понять что где?

– Мои логические выводы на этом подошли к концу. Всего хорошего, мои дорогие читатели…

– Он успел подставить руку… вот она. Так… это углубление – бровь, здесь – это лоб…

– Не, секундочку! – зашумел на брата Дуся. – Как это ты так решил, просто водя пальцем? Докажи!

– Смотри. – И он приложил руку ладонью к лицу. – Как раз и определим, он положил руку так или тылом.

– Почему это бровь, – Чозик провел сухариком, – потому что тут у него был грубый шрам. Свинец заполнил его, и получилась зеркальная выпуклость. Это же негатив!

– Пойдет, продолжай. Тогда что, по-твоему, за круглое углубление и пересекающая его борозда?

– …глазница…

Чозик ждал, пока ребята придут в себя от услышанного.

– Но что нам все это дает?! – спросил Дуся, откинувшись назад.

– Самое главное во всем этом – это!

Придвинувшись вплотную, все уставились на то место, где Чозик по-прежнему удерживал свой палец. В игравших солнечных лучах они увидели ровное углубление с различимым узором мелких знаков!

– Прошу, – сказал Чозик, доставая увеличительное стекло.

– Зачем таскаешь?

– В такую погоду, как сейчас, можно без спичек разжечь костер. А сегодня – по прямому назначению – рассматривать мелочи. Сдаетесь?

– Да, давай уже!

– Это отпечаток перстня…

– А это тема, чувак! Если так, то по нему можно попробовать узнать все, вплоть до истории владельца, принадлежности, что означает, – сказала Маша, открывая браузер.

Прошло уже больше пятнадцати минут, а ее лицо хмурилась все сильнее. Под конец она даже зашипела. Интернет затруднялся дать ответ по такой форме, виду и значению, видимо, в оправдание выдавая всякую белиберду.

– Либо я делаю что-то неправильно, либо перстень настолько древний, что про него никто не в курсе… Или он вообще самодельный, поэтому пока с ним придется повременить.

Отложив застывший металл, Маша уставились на Чозика.

– Твоя очередь…

Друг достал черный тубус. Несмотря на внешнюю ветхость, сделан он был добротно. Ничего не болталось, не скрипело. Крышка плотно притерта. Взяв чехол, Дуся сразу тряхануул содержимое. Мгновенно отреагировав, Чозик успел остановить.

– Лучше так не делать, и вообще он порой ведет себя очень странно.

– Дай-ка на секундочку, – попросила Маша.

Проведя несколько раз пальцем по швам и достав пинцет, она закусила губу.

– Смотрите, в одном месте инструмент спотыкается о еле заметную ступеньку, нужно вспарывать. Отвернись, а то, чего доброго, не переживёшь!

Ее слова дошли до адресата, и Чозик грустно вздохнул. Она ловко провела по краю цилиндрического основания скальпелем. Под кожаной оболочкой кем-то был спрятан плотный лист.

– За один край не достать, испортим!

В руках Чозика тут же возник медицинский сосудистый зажим, подаренный когда-то отцом.

Лист оказался тонким пожелтевшим картоном, оборотная сторона которого была мелко исписана побледневшими от времени чернилами. В подтверждение надписи по самому краю уже не просматривались.

Аккуратно распрямив лист в четыре руки, ребята увидели фотографию! Черно-белый снимок, несмотря на возраст, оказался в неплохом состоянии. С картинки на них смотрел молодой мужчина в армейской кепке. Как показалось Маше, лет тридцати, на фоне каких-то столбов или попиленных стволов деревьев, ровно уложенных на стеллажах. Кокарду на кепке, конечно, было не рассмотреть. Он улыбался, восседая на мотоцикле, с лежащими на руле руками. Блондин был в защитных штанах и гимнастерке с расстегнутыми до середины груди пуговицами. Рукава закатаны в один оборот. Мотоцикл большой и, наверное, очень мощный. Сбоку – коляска со странным сдвоенным пулеметом. Необычно широкое переднее колесо развернуто, не позволяя рассмотреть диск, однако логотип на бензобаке получилось очень даже!

Это был круг с вписанным внутрь щитом и буквицей «Z». В обе стороны расходилось по три ровные полоски с заостренными концами, похожие на крылья. Перевернув фотографию, Маша уткнулись носом в мельчайший текст на немецком.

«Но так мелко рукой не написать?»

На вопрос «зачем» ответ нашелся сразу. Абсолютно вся поверхность была занята без остатка! Все учили в школе два языка, но словарный запас для такого был кисловат.

Отложив фотографию, они перешли к разглядыванию содержимого чехла. Внутри находился прозрачный бесшовный контейнер, открывать который Чозик категорически запретил.

«Открывать? Он еще и открывался?!»

Внутрь был помещен металлический предмет, сделанный из плашек разного металла, плотно притертых друг к другу.

– Тебе не странно, что в бункере времен войны ты находишь идеально литой пластик, который ни капли не помутнел и даже не потрескался? На его поверхности самостоятельно проявляется линия открытия, после чего бесследно исчезает? – Маша безостановочно водила по нему лезвием ножа, пытаясь отыскать зазор.

– Честно, до этой минуты я не задумывался, зачем так придумано, – виновато ответил друг, попросив у Дуси пару его шаровидных магнитов «антистресс». Прокатившись под уклон, они плотно приклеились к футляру!

Повисла пауза…

– Да это вовсе не пластик, а прозрачный металл…

На поверхности пятнадцатисантиметрового цилиндра с торца находилось крупное углубление, в которое заходила его оболочка. Оно было похоже на слепо заканчивавшуюся замочную скважину или пупок. Подержав цилиндр в руках, каждый решил, что находка намного легче, чем обычная железяка.

– Что думаете насчет цвета металлов?

– А что тут непонятного? – протянул Адик. – Разные сплавы, поди, разбери, что это. Меня смущает сиреневый и ярко розовый цвет колец. Такое вообще встречается?

– Твоя находка во всем ненормальная – начиная с фотографии! – выпалил Дуся. – Таких технологий не существует! Не удивлюсь, если она радиоактивная!

Вокруг потемнело.

– Как бы не ливануло…

Спохватившись, Чозик аккуратно все убрал, добавив:

– Гейгером[13] проверял – все чисто…

– Кстати, почему тебя зовут Адик? – закидывая за спину собранный рюкзак, спросила между прочим Маша. – Мне нравится, звучит необычно.

– Не очень приятная история… – ответил за него Дуся.

– Да, ладно… из песни слов не выкинешь, рассказывай.

Выбравшись из своего убежища, ребята двинулись в обратный путь новым маршрутом.

– Когда он был во втором классе, – начал Дуся, – ему на день рождения хотели подарить кроссовки, но он наотрез отказался. Брат хотел их выбрать сам. Маме эта затея сразу не понравилась. Решив, что кроссы все равно будут куплены не те, недолго думая, он пошел в магазин, заняв у меня сто рублей! В общем… мама узнала об этом уже как о свершившемся факте. Покрутив в руках и понюхав, сказала: «Что купил, то и будешь носить».

Тогда мы подумали, что она обиделась, но все оказалось гораздо хуже. Сначала в школе все охали, какие они клевые, но стоило пробежать кросс, как на одном отклеилась подошва, на другом треснуло место сгиба. В раздевалке, рассматривая эти тридцать три несчастья, мальчишки заметили, что на них написано не «ADIDAS», а «ADIBAS».

Смеялись над ним долго и очень обидно. Адик сильно переживал, даже плакал, когда оставался один.

– Про это не обязательно рассказывать.

– Тогда мы с Чозиком сели и стали думать. Федьке было очень плохо. Мы думали, что реально потеряем его. Потом, пораскинув мозгами, отбросили лишнее от того обидного слова и стали при всех звать его Адик. Задумка удалась, и имя быстро прижилось. Иногда мне даже кажется, что оно вообще настоящее!

Прошло время… Мы вместе накопили на новые и, подойдя к маме, попросили помочь купить правильные. Она была тронута, но сначала, поискала в стопке DVD один старый фильмец и велела посмотреть. Нам стало всё понятно. Фильм назывался «Взрыватель», с Ван Даммом, где он воюет с мафией, распространяющей подделку. Там-то мы и увидели похожие кроссовки. В общем, каждый учится только на своих ошибках…

[13] Гейгер – имелся в виду портативный счетчик Гейгера-Мюллера для определения степени ионизирующего излучения.

Глава 12

Когда изо дня в день ходишь по одному и тому же маршруту, кажется, что знаешь все его закоулки, трещины, дырки в стенах, сколы ступеней. Помнишь, где висит паутина с большим пауком, где лопнула плитка и какой в твоем подъезде живет запах. Его невозможно спутать ни с каким другим. Входя в чужой, сразу начинаешь обращать внимание на все эти вещи. Как людям не противно так жить и почему они не замечают, как невкусно у них пахнет?

Все это обдумывал Дуся, поднимаясь последним на второй этаж «хрущевки». Составив свое окончательное мнение, он неожиданно врезался в стоявшего спиной Чозика, наступив одновременно на задник Машиного ботинка. Все дружно обернулись, а брат вопросительно развел руки в стороны.

– Ребята, ну простите, просто засмотрелся, а потом задумался, всего-то…

– С кем не бывает, думать вообще полезно. Главное, чтобы твои мысли потом к чему-то приводили. Звони, – поправляя обувь, сказала Маша.

В квартире послышались быстрые шаги. Дверь открыла женщина средних лет.

– Здравствуйте, вы к кому?

– Ну… Мы… Это… Здрасьте… – замялся Чозик.

– Мы пришли поздравить с праздником Победы Валентину Егоровну! Живем в домах рядом, на этой же улице, – легко и непринужденно начал разговор Дуся.

– Спасибо большое за внимание! – сказала она, смягчившись. – Но боюсь, что Валентина Егоровна себя плохо чувствует. Последнее время постоянно болеет, все больше лежит. Практически перестала вставать. Я ее внучка. Вот перебралась из города к вам сюда. В следующем году будем праздновать юбилей – сто лет!

– Вот это да-а-а! Мы только хотели оставить на память наши рисунки, цветы и поделки, можно?

– Конечно, можно. Меня зовут Валентина, как бабулю, – уже без напряжения ответила женщина. – Проходите, будем знакомиться.

В своей комнате, опираясь на подушки локтям, сидела, сгорбившись, старенькая женщина, укрытая пледом. На худых плечах покоилась шаль. Волосы, абсолютно седые, собраны гребнем. Пальцы с сильно утолщенными суставами перебирали краешек пледа. Напротив кровати висел телевизор, по которому показывали кадры парада. Ее потухший взгляд скользил по сменяющимся картинкам, ничего не выражая.

Стесняясь, ребята скромно топтались в углу. Маша вздрогнула, когда ее белесые глаза пробежали по ним, не остановившись.

– Бабуль, к тебе пришли детишки поздравить с праздником! – практически на ухо произнесла внучка.

Ее голова резко поднялась, лицо ожило сквозь глубокие морщины и шрамы. Кисти поднялись с колен, остановившись в приглашающем жесте.

– Ребята, бабушка плохо слышит, не бойтесь, подойдите поближе.

– Давай, иди ты… – Дуся подтолкнул Чозика.

Аккуратно положив подарки ей на колени, он произнес на ухо общие фразы, которые с непривычки все перепутались.

Легонько притянув его к себе, Валентина Егоровна произнесла еле слышно:

– Значит, вот ты какой, Чозик… Спасибо, что не побоялся подойти и спас…

– Извините, но откуда вы меня знаете?

– Я не знаю тебя, но помню твои руки…

Его глаза расширились. Никто из друзей не мог этого слышать, они тихо переговаривались за его спиной. После сказанных слов в ее глазах заблестели слезы. Погладив его по руке, она сказала:

– Спасибо вам большое. Вы сделали самый важный подарок – вы не забываете нас, стариков. Хоть я почти ничего не вижу, но чувствую тепло в ваших трудах. Оно никогда не утечет, поселившись в них навсегда. Оно будет согревать меня…

Валентина практически лишилась дара речи. Уже очень давно она не слышала от бабушки ни единого слова.

– Зрение пострадало от взорвавшегося боеприпаса, руки не слушаются из-за ранения…

– Валентину не слушайте, терпеть не могу отсебятины. – Пожилой голос внезапно зазвенел сталью. – Рука ничто по сравнению с тем, кто мне это оставил!

Переведя взгляд слепых глаз на небольшой стеклянный сервант в углу, она словно на мгновение зацепились за что-то внутри. Ничего особенного: набор хрустальных рюмок, старомодных фарфоровых тарелок, салатница и выставленные по старшинству декоративные разноразмерные яйца на подставках.

Дуся сморгнул. То ли ему показалось, то ли действительно за одним из резных фужеров стояло не яйцо, а круглый предмет с множеством нанесенных закорючек. Через секунду он отвлекся.

– Шрамы на лице мне оставили на память вовсе не фашисты и не война. Это случилось многим позже…

Присев рядом, Адик попросил что-нибудь рассказать о той войне, чтоб не из книжек, а услышать, как все было на самом деле!

Обернувшись, ребята заметили, как Валентина тихо плачет в уголке. Невозможно было поверить, что случайно пришедшие в дом школьники вдруг пробудят в бабушке жизнь. Ни одному врачу не удалось за все время достичь подобного результата!

– Во время войны она служила в…

– Теперь это никому не интересно, да и уровень секретности давно снят, – перебив внучку, старушка подалась вперед.

– Бабушка – настоящий боевой офицер, полковник, была снайпером, выполняя задания в составе разведгруппы, – воодушевившись, продолжила внучка. – Ее задачей было находить и захватывать…

– Выслеживать и ликвидировать вражеских снайперов, прикрывая своих, – резко перебила ее Валентина Егоровна.

Плечи ее расправились, а спина выпрямилась.

– Всё следует называть своими именами, ребята большие, все понимают! Время было очень непростое, мы использовали любые возможности, чтобы ослабить противника. Нашего подразделения не существовало на бумаге. Мы работали с целями высочайшего уровня значимости и государственной важности. Вермахт искал нас, чтобы познакомиться, так сказать, поближе. Деятельность подразделения и вся информация по операциям была длительно засекречена. Много воды утекло с тех пор, да, видимо, не вся… Фашисты превосходили нас не только технически по некоторым типам вооружения, но и…

Она посмотрела острым невидящим взглядом в сторону окна.

– Не хочу вспоминать в этот праздничный день то черное время. Слишком много непонятного и необъяснимого происходило, слишком многих мы потеряли тогда.

– Ну, пожа-а-алуйста, – взмолился Дуся. – Кто же нам еще по правде расскажет, зачем немецкие солдаты носили на поясе такие большие сумки с какой-то электроникой и как можно вырасти без «Растишки» такими большими?

Валентина Егоровна будто метнула в него взглядом сноп молний. Маша тут же ткнула Дусе в бок, и тот скривился от боли.

– Как ты узнал об их существовании?!

Адик постарался смягчить слова брата.

– Знаете, сейчас столько всего в интернете понаписано. Совсем непонятно, что правда, а что вымысел. Появляется куча информации о прототипах вооружения, которого фашисты либо не дождались, либо просто не успели выпустить, но которые могли повлиять на исход войны. Говорят, что у немцев еще до войны были готовы рабочие чертежи двухступенчатой ракеты А12, а на момент окончания была полностью готова ракета А8, способная нести ядерный заряд. Фашисты имели в своем распоряжении не менее трех ядерных боеголовок, которые потом захватили сами знаете кто, и две из них были применены в Японии…

– Вижу, как ты всеми силами стараешься скрыть от меня истинную суть своего вопроса… – Она говорила так, словно в ней снова проснулся чекист. – Информация об этих солдатах не хранилась под грифом «Секретно» или «Особой важности». Умные люди придумали для нее другое место… Пусть многое в моих словах пока вам непонятно, ребятки, но всему свое время.

Замолчав и вновь собравшись, она продолжила тихим голосом.

– В конце войны мы хватались за любой намек или подозрение, за любую наводку, за любой слух. Приказ был брать только живьем, но никто не знал, как это сделать, потому что все, кто воевал против них, погибали, либо эта нечисть полностью уничтожалась!

Она повысила голос.

– Две такие боевые единицы могли выступить против сотни наших бойцов. Обычные пули и осколки не приносили им никакого урона. Они не чувствовали боли. Просто шли в бой, пёрли, как танки, поливая все вокруг смертоносным голубым огнем. В тот январский день я испытала на себе, что такое их самоликвидация.

…это случилось в Пруссии. Пробравшись в разрушенное немецкое подземное укрепление, под горой обломков я обнаружила того солдата полностью раздавленным, но один из поясных кофров остался цел. Захватить останки было бы огромной удачей, но мы пришли туда совсем за другим… Несмотря на полное уничтожение, его рука продолжала шевелиться… За мгновение до взрыва мне показалось… что-то пряталось под его огромной каской… В той секретной операции погибли все, кроме меня и моего командира…

Рассказ внезапно прервался.

– …и закончим на этом!

Ребятам дали понять, что пора уходить. Робко поблагодарив, они засеменили к выходу, но на пороге их снова окликнули. Голос Валентины Егоровны дрожал.

– Вы не можете знать больше, чем разрешено временем. Я попрошу выполнить одну мою просьбу. Здесь рядышком иногда появляется мой однополчанин Ванька… Иван Тимофеевич. Он и вынес меня тогда. Пошлите ему от меня весточку – не суждено уж, больше свидеться. Передайте мои слова: *«Незабудка Кречету… «кочеплы» вышли из спячки…»*

Глава 13

Выйдя из подъезда, ребята отошли в сторону. Неужели история семидесятилетней давности ворвалась в их детскую жизнь, заставляя играть совсем не по детским правилам?

– Помните, как она сказала? – начал возбужденно Дуся, взъерошив волосы. – С этими зомбаками не могли справиться вооруженные солдаты, а мы смогли подбить одного и даже получить слепок с живого образца! Круу-уто!

– Дурак, ты, Дуся! – дав ему затрещину, ответил брат. – Ты вообще ничего не понял? Никто про них не знает не потому, что это засекречено, а потому, что они не оставили ни одного выжившего свидетеля, кроме Валентины Егоровны, понял!

– Значит, в этой игре я уже год и теперь втянул вас?

Произнеся это, Чозик в бессилии сел на бордюр.

– Инженерная фирма «Конструктурекс» – однозначно фальшивка. И если она немецкая, то ниточка все еще тянется от Валентины Егоровны к бессмертным солдатам, а от них – к тебе и нам.

Подумав немного, Маша продолжила.

– Я вам больше скажу: эти ребята ковырялись в белорусской пуще вовсе не из-за светового коридора!

– Если на Чозика открыта охота не как на свидетеля, – предположил Адик, – то, получается, они планировали грохнуть нас с братом?! А нужен им был именно твой предмет в чехле, чувак!

– Не будут же они хватать меня посреди бела дня и пытать?

– Почему бы и нет? Как косить солдат во время войны – это можно, а вытрясти из тебя все кишки – нельзя? Ты же эту штуку посреди дня с собой носишь!

– Мыслящие существа так глупо не поступят… – попыталась объяснить Маша. – Но хуже всего, что теперь они придумают новый способ, еще более скрытный и осторожный.

– Вы разве не обратили внимания на слова Валентины Егоровны?

Они в недоумении уставились на Дусяна.

– Был взрыв… ее спас командир… Не тот ли это Иван Тимофеевич, которому удалось захватить сумку с оборудованием?

«…Муха скоро наткнется на форточку… вот только что на этот раз изменит направление ее полета?» – подумал Адик.

* * *

Прислюнявив Дусе к голове растрепанные волосы, они поднялись на последний этаж, позвонив. За старенькой деревянной дверью тренькнул старомодный звонок. Его кнопка оказалась такой дряхлой, что, похоже, родилась вместе с самим домом. По облупившемуся краю можно было насчитать шесть или семь слоев краски.

Дверь в квартиру оказалась советской эпохи, обитая пенопленом и перетянутая стальными тросиками. На них смотрели потемневшие от времени декоративные шляпки гвоздиков, набитых розетками по пять или семь штук. Поверхность под пальцами была мягкой, потому что внутрь набивали синтепон или вату.

Лестничная клетка в этом подъезде была милипусенькая: три квартиры на трех квадратных метрах. Дуся и Чозик остались стоять на ступеньках, тихонько обсуждая, где бы можно было припрятать загадочную вещицу. Позвонив несколько раз, Адик грустно посмотрел на Машу.

– Поздновато пришли…

– Звони последний раз и пойдем.

Проведя пальцем по одному «цветочку» из гвоздей, Маша внезапно нахмурилась. В этот момент позади пискнул Дуся. Это был звук детской неожиданности, но не в том смысле, что он «подпустил», а что не ожидал! Адик с Машей через плечо увидели стоявшего ниже мужчину, возраст которого было не так просто определить. Прикрывая глаза, набекрень сидела кепка, которую носили деды в 1980- х. В левой руке висела сетка-авоська, похожая на невод, с длинными вытянутыми ручками. На дне покоился батон белого. Когда он поднял козырек, Маше на долю секунды показалось, что на нее смотрят очень цепкие, оценивающие молодые глаза, будто прошившие ее насквозь.

Это ощущение окрепло, когда она услышала мягкий, немного с ударением на букву «Ш» голос, совсем не похожий на голос пожилого человека. Однако, быстро изменив свою форму, глаза сощурились под нависшими веками, лоб прорезали многочисленные пергаментные морщины. И на нее уже смотрел дряхлый старик с ничего не выражающей улыбкой.

Дуся от неожиданности вжался в стену. Чозик удивленно ковырял ухо, не понимая, как он не расслышал поднявшегося дедушку прямо за своей спиной.

– Извините, – сказала Маша голосом, выражавшим огромное почтение. – Мы правильно нашли квартиру Ивана Тимофеевича? Сегодня Девятое мая, и мы хотели от всей души поздравить его с праздником. Подготовили подарки, и нам было бы очень приятно самим вручить их.

– Здравствуйте… дети… – отозвался мужчина, но по выражению лица было заметно, что их визит его озадачил. – Я тронут вашей заботой, но раньше пионеры меня никогда не навещали.

Она снова нахмурилась.

«Про каких-таких пионеров он говорил? Это вроде какие-то далекие книжные личности?»

Этот человек разительно отличался от Валентины Егоровны, хотя, по ее словам, они вместе служили. Его сильно старил дурацкий пиджак, но даже так все равно не сходилось. Рукава широкие, закрывают две трети кисти, сшитый из очень мягкого материала, мешковатые брюки на очень простеньком ремешке. Складывалось ощущение, что перед ними стоял пастух, а его стадо просто осталось ждать на улице. На ногах красовались странного вида мягкие тапки, абсолютно не подходившие ни к чему.

«То ли это обувь Се, то ли Вин Чун, Тай-чи, Ушу. – Маша не могла сообразить. – *А с другой стороны… Сейчас можно ходить как угодно и в чем угодно и чтобы вообще ничего не сочеталось».*

Оставшиеся пять ступенек Иван Тимофеевич прошел шаркающей походкой дряхлого старика. Достав из кармана связку несуразных ключей, он будто специально не дал ей увидеть, как открывается дверь. Раздалось странное жужжание, и она бесшумно отворилась. Маша никак не могла уловить, что во всем этом не так.

«Люди могут быть и по возрасту странные. Да ладно, некоторые вообще от рождения странненькие!»

Прокручивая это в голове, она по приглашению вошла первой.

– Ребятушки, у меня не прибрано, – снова улыбнулся он своей загадочной улыбкой. – Раздевайтесь и проходите в комнату, будем чай пить.

Однокомнатная квартира была такой маленькой, что ребятам поначалу показалось, что им это мерещится. В единственной комнате уместился небольшой старомодный деревянный стол на кривых ножках и несколько деревянных табуреток. В углу ютился древний телевизор «РУБИН-ц208», которому было лет сорок, и всё… Нет, не всё. Нещадно иссушивая воздух, на полу на полную мощность работал допотопный нагревательный элемент. Теперь все…

Меж тем обои за давностью лет так сильно выгорели, что было непонятно, какого они вообще цвета. В квартире было чисто, наверное, даже патологически! Складывалось ощущение, что здесь не живут. Но висевшие на стене механические часы с кукушкой шли!

– Рассаживайтесь вокруг. Вы не против, если я сделаю чай погорячее? – спросил Иван Тимофеевич.

– Я помогу! – вскочила с места Маша, устремившись на кухню.

– Какая у вас резвая подружка… – хмыкнул он. – Называйте меня дядя Ваня, а то мне как-то неудобно, как старик какой-то, по имени-отчеству. Маша, можно вас попросить, заварите чай в керамическом чайнике. Тот металлический, на самоваре, не пойдет, его не трогайте… невкусно получается.

А тем временем Дуся уже был готов изо всех сил поздравлять.

– Дядя Ваня, нам очень приятно в этот день подарить это вам!

Чозик протянул ему свой самодельный картонный самолет. В его глазах на секунду блеснули искры, но тут же погасли, и на них вновь смотрел старец.

Чайник закипел. Мария принесла пять кружек, ложки, сахарницу и красивый керамический чайник с гербом Советского Союза. Ребята никогда не видели такого сахара. Наколотый неровными кусками, он был каменным. Маша залила кипятком ароматную заварку в тканевом мешочке, и все расселись. Разлили чай. Над настоящими армейскими жестяными кружками медленно поднимался дымок.

Дядя Ваня взял свою, обняв ладонями. Невольно подражая, Маша обхватила так же. Не выказав боли, она через секунду спрятала обожженные пальцы под стол.

«Как он это делает?»

Запах неизвестных трав мгновенно наполнил пространство маленькой квартиры.

– Ими пользовались бойцы моего разведподразделения. Эта – нашего медика, эта – радиста-стрелка… эта – капитана Смирнова, второго из пары снайперов, а эта – лейтенанта Иванова, специалиста по взрывчатке и минированию… – закончил дядя Ваня фразу с грустью в голосе.

– Все ваши боевые товарищи уже умерли? – спросил Адик.

– Нет… они не умерли, они ушли… Умереть в постели немощной развалиной и погибнуть на боевом задании – разные вещи. Я несу их память в себе сквозь время.

Поднявшись с места, он прошел на кухню и вернулся еще с одной кружкой, в которой была сквозная дыра с разорванными на выходе краями.

– А это кружка Незабудки… Она лежала в ее вещмешке, когда немецкий солдат взорвал себя.

– Она спасла ей жизнь?

– Нет, – отпивая чай, сказал старик, – это дюраль, она мягкая. Незабудку тогда прилично зацепило. Осколки пробили её, и руку насквозь. Произошло это зимой в лесу Гёрлиц, где находилась Верховная ставка Гитлера – «Волчье логово».

Ребята вздрогнули.

– Там, среди Мазурских болот, я встретился со своими «закадычными» друзьями, – задумчиво произнес дядя Ваня, растирая грудь крепкой ладонью. – В той операции погибли все, навсегда оставшись в польской земле. Я многих ребят потерял в той войне на разных фронтах…

– Если они все погибли, то, значит, не выполнили боевую задачу? – робко спросил Дуся.

Дядя Ваня вновь внимательно посмотрел на любознательного мальчугана.

– Выполнили. Ценой, которую они заплатили, была жизнь… Но задачу выполнили. 26 января 1945 года мне и моим товарищам была поставлена задача: до прихода основных сил 31-й армии генерал-лейтенанта Шафранова требовалось обследовать руины командного комплекса Верховного командования вооруженных сил Германии и отыскать одну очень важную «дверь»… Но в тот день ее искали не только мы…

Он замолчал.

– Там вы и спасли Валентину Егоровну? – спросил тихо Чозик.

Дуся не стал ждать дополнительных вопросов и выпалил первый.

– Иван Тимофеевич… Ой, дядя Ваня, мы сегодня заходили поздравить ее, и Валентина Егоровна попросила передать весточку для вас… *«Незабудка вызывает Кречета, «пчелы» вышли из спячки»*.

В наступившей гробовой тишине тиканье старинных часов звучало как удары молота.

– Не можешь нормально запомнить, лучше молчи! Постоянно куда-то торопишься. Тебе четко было сказано передать слово в слово, а ты?!

– Простите нашего товарища… – Не успев договорить, Чозик замер от услышанного.

– Тогда мы их называли «КОЧЕПЛы», – сжав пальцы левой руки в кулак, сказал дядя Ваня. Было видно, как он изменился в лице. Кружка еле заметно вздрогнула в его руке. – Это сокращение от «Кожаные черные плащи»…

– Что ты знаешь по этой теме, Артем? – совершенно спокойно спросил Дусю дядя Ваня.

– Я вам не говорил, как меня зовут, – нервно сглотнув, ответил мальчик пересохшим ртом.

– Просто наблюдательность… У вас, молодой человек, курточка… воротник мамой подписан изнутри. Наверное, частенько вещи теряете? – улыбнувшись, обронил как бы невзначай дядя Ваня. – Так все же… Такие разговоры не ведутся на пустом месте. Что на самом деле привело вас ко мне?

Теперь его глаза горели по-настоящему.

– Так и будете подкладывать небылицы, или потолкуем как взрослые? Мне кажется, вы это уже поняли, разговаривая с Незабудкой? Настоящий разведчик всех видит насквозь…

Ребята потупили головы. Они правда не знали, как поступить, но уж точно не врать.

– Иван Тимофеевич… Нам не к кому больше обратиться. Мы бы рады поискать в сети, но это все без толку. Так получилось, что при определенных обстоятельствах мне в руки попала одна фотография и очень странная железячка…

Коротко изложив свою историю, Чозик стал ждать. Дядя Ваня слушал очень внимательно. Ни разу не перебив, он лишь потер указательным пальцем правой руки переносицу, закрывая глаза, а губы от напряжения сжались в струну. Пальцы непроизвольно искали что-то неосязаемое в воздухе. В конце кулаки с хрустом сжались, а взор устремился под ноги. Пауза затянулась, но компания не смела проронить ни звука. Когда Иван Тимофеевич поднял голову, на них смотрело совсем другое лицо – лицо с зорким взглядом охотничьей птицы, Кречета. Проведя пальцами по шрамам, он медленно спросил:

– Ты сохранил то, что нашел в подземелье?

Чозик немного замешкался, затем в его руках оказалась старая фотокарточка. Дядя Ваня взял ее в руки, словно ценнейшую реликвию. Фотобумага до сих пор сохраняла добротность. Один край почернел, видимо, когда-то познакомившись с огнем. Задняя поверхность, казалось, была покрыта пылью мельчайших слов. Пока разведчик всматривался в человека на мотоцикле, Чозик пытался определить, знако́м ему этот человек или нет. Аккуратно держа снимок двумя пальцами за боковые грани, Иван Тимофеевич то и дело наклонял его под разными углами к свету. Дусе показалось, что он пытается заглянуть за угол – внутрь снимка. Закончив с изучением, он натужно потер лоб. Ноздри расширились на глубоком вдохе. Он вдыхал историю, но она была ему неприятна…

– Могу вам сказать… – начал он и остановился. – Игра, в которую вы случайно попали, очень опасна. Участники либо побеждают, либо гибнут… Я не буду ходить вокруг да около. Все рассказанное сегодня происходило и со мной на той войне.

– Как это? – поежившись, спросил Дуся.

– Это очень длинная история…

Глава 14

Повернувшись вполоборота и немного поковырявшись в выдвинутом ящике маленькой тумбочки, дядя Ваня достал небольшую бордовую коробочку. Приоткрыв, он поместил ее на стол. С атласной ткани на ребят смотрел легендарный нагрудный знак в форме овала, перед которым стояла рукоять меча. Они видели такой только на картинках. В центре высились золотые серп и молот, а внизу – рубленные буквы «СМЕРШ» в обрамлении красной развевающейся ленты в виде пламени.

Коснувшись его первым, Дуся бросился рассматривать его со всех сторон, вертя в руках. Дрожа от нетерпения, Адик перехватил реликвию и тоже, проводя пальцами, бормотал что-то восторженное. Последними он достался Чозику и Маше. Видя, что ребятам знакома эта вещь, Иван Тимофеевич продолжил.

– Вопрос вот в чем… Когда ждать «гостей» и готовы ли мы их принять. Я говорю «мы» и «нам», потому что у того, кто встретился с ними однажды, обратной дороги уже нет. Ваша находка, Роман, может приоткрыть завесу очень старой тайны… Полагаю, пора перейти к самому главному – посланию.

– У меня тоже вещи подписаны? – в недоумении спросил Чозик.

– На ваших спортивных тапочках написано «Ро», «мик».

И вправду, он еще в начале весны именно так и написал на разных кроссовках от нечего делать. Но потом их даже стирали! Послышались сдавленные смешки, касавшиеся слова «тапочки».

– Мы думали, главное внутри? – с нескрываемым удивлением проговорила Маша.

– Нет. Железо без слов – ничто…

Перевернув фотографию, ребята тут же уткнули в нее свои носы. Записи оказались нанесены непонятной техникой в виде монолита, не оставив ни малейшего свободного места без букв. Повторить такое и сейчас было бы сложно. Дядя Ваня поставил безымянный палец на первую строчку.

«Как это? Неужели он так хорошо видит?» – пронеслось у Чозика в голове.

Губы Ивана Тимофеевича медленно зашевелились, пока он вел пальцем по строке, переводя прямо на ходу.

«Среди черных глыб, постоянно горячих… В глубинах земли, где живет только эхо… В миг, когда падают тысячи капель…»

– Либо строки перепутаны, либо мой немецкий стал никудышным и начал забываться… – пытаясь с трудом подобрать улизнувшую строчку, сказал он. – *«Лишь только дотронется до него ночь, он начнет плакать и станет белым».*

– Какая-то дребедень, – высказался Дусян, вклинившись в паузу. – Кстати, по самому-самому краю тоже что-то написано. Может, там понятнее?

– Да замолкнешь ты или нет?! Как можно говорить про смысл, разобрав только тридцать слов? – не на шутку разозлился брат.

– Не ссорьтесь, видимо, это метафора, – вмешалась Маша.

– Да-а-а-льше, ребятки, без лупы не обойтись, – потянув «а», сказал Иван Тимофеевич. Брови вновь напряглись, а морщины стали еще глубже. – Нужно отдать должное вашему товарищу. На самый край фотокарточки, по периметру, действительно что-то нанесено! Ты молодец, внимательный!

Дуся вспыхнул от гордости, а Чозик тут же полез в рюкзак, вынув оттуда очки для пайки.

– Да вы, смотрю, юноша, носите с собой вовсе не игрушки! – не вопросом, а утверждением сказал дядя Ваня. – Похвально, а главное – вовремя!

Покраснев, Чозик посмотрел на друга, блаженствовавшего от похвалы уже целую минуту. Взяв фотографию в фокус, дядя Ваня стал всматриваться в текст еще с большим интересом.

– Теперь все понятно. Запись строк сделана «пилой»!

Чозик наступил брови, начав быстро записывать.

– Терпеть не могу такие вопросы. Поди разберись, когда на оценку начинают требовать уловить «скрытый тончайший смысл, который автор вложил куда-то – туда-то сто пятьдесят лет назад, живя в безудержном мире буржуазного общества».

– Погоди-ка, дружок? А ведь твоя нелюбовь к предмету сейчас сослужила неплохую службу, – произнес Иван Тимофеевич. – Дайте-ка я попробую на другой лад.

Он еще несколько раз провел пальцем.

– Да-а-а, ты прямо в точку! – даже причмокнув, сказал он. – Но это вовсе не означает, что русским и литературой с этого момента нужно бросить заниматься.

Все захихикали.

– Смотрите, что подсказал мне ваш друг. На всю ширину листа автор вписал три рифмованных текста.

И, набрав в грудь воздуха, он начал:

Средь лунных камней,
Постоянно горячих,
Лежит черный ангел,
Скрытый от зрячих.
Лишь только коснется его темнота,
отберет он все силы,
белея тогда…

Иван Тимофеевич поймал иголкой окончание, так как следующий участок еще сильнее путался среди переплетения столбцов смежных строк.

– Ита-а-ак… Здесь пишется, как что-то в темноте меняет цвет конкретно на белый, – подняв на лоб увеличительные линзы, произнес он.

– Вторым условием должна быть высокая температура, – выпалил Дуся. – Я вижу это в первой строчке! Горячие камни бывают в бане?

– За хорошее зрение – сто рублей премия, – сказала Маша, опередив брата, который был готов дополнить ответ Дусяна гадостью. – А почему это не пустыня?

– Очень, очень может быть, – вновь произнес дядя Ваня, – но ночью там становится, наоборот, холодно, а в условии стоит «постоянно горячих». Запомните, абсолютно любое слово имеет значение. Я уже сложил строки в подобие стиха, но где-то могу все равно ошибиться. Дальше получается как-то так:

В глубинах земли, где живет только эхо,
Рождается бусина красного цвета…
Как только тепло пронесется галопом…

В этом месте он нахмурился, видимо, подбирая рифму. Затем его голос вновь заполнил маленькую комнату:

…Все станет смертельным для жизни пороком.
Бездумно дотронуться – все потеряешь.
Лишь шепотом слабым возможно достанешь…

– Нас же пытаются о чем-то предупредить, уберечь от какой-то опасности или ловушки? Есть подземный ход, в нем обязательно должно быть эхо, но дотрагиваться ни до чего нельзя…

– На окружайке нам говорили, что в некоторых пещерах бывает такая акустика, что можно устраивать симфонические концерты. Туда билеты не купить, и собираются там редкостные ценители музыки.

– Вы делаете неплохие выводы, товарищ красноармеец, – сказал дядя Ваня, – вот только это место может быть где угодно. Может, прояснение будет позже…

Ребята опять хихикнули. Такого обращения они еще не слышали по отношению друг к дружке.

Дальше продвигались очень медленно, по слогам, по буквам. Широкий рукав дяди Вани, опустившись, накрыл стол. И тут Чозик уловил взглядом что-то странное. Всего один миг, какой-то мимолетный кадр. В широком рукаве на предплечье крепилось какое-то приспособление. Мелькнули два скрытых ствола! Глаза мальчика тотчас расширились. Тем временем по комнате пробежала грубая немецкая речь, резко прервавшись.

– Как нехорошо-то… Краевая часть, видимо, полностью утрачена по причине временной изношенности документа, – сказал с досадой дядя Ваня, – но за основной блок ещё можно побороться.

В миг, когда падают тысячи капель,
В месте, где капли бегут кто куда,
Есть точка, в которой рождается камень.
Покинув свой дом – камнем станет тогда…

Все глубже погружаясь в прочитанное, уже никто не отваживался с ходу озвучивать свои предположения, но Маша все-таки решилась.

– Мне показалось, или автор описывает не наш, а некий другой мир, его собственный? Подобные фразы типа «что-то капает, а потом вдруг твердеет», или «что-то неодушевленное в темноте плачет» – все существует на самом деле. У нас такого ведь не может быть, а у него очень даже.

Она замолчала, подперев щеку пальцем.

– Если вникать в загадку с точки зрения научного материализма, то он-то как раз исключает подобную ересь где-либо. Но тот, другой, мир действительно существует!

Дуся сидел, будто потеряв направление разговора. Адик что-то просчитывал в голове. Чозик вдумчиво записывал все произносимое.

– Продолжим?

Ответом были грустные кивки четырех подуставших подростков. Далее читать стало еще сложнее. Сливаясь и пропадая, слова никак не давались дяде Ване. Наконец он произнес:

Он был нордическим Колоссом,
громил врагов любых мастей,
и где нога его ступала —
там чёрным дымом поднималась
стена из пепла и костей.
А силу эту он надежно
скрывал за темнотой времён,
Носил её он рядом с сердцем,
но данью был обременён:
Удары собственного сердца
Взамену поднятых знамён…

И в тридцать лет истлевшим старцем
был погребён на самом дне —
Где радуга с частичкой «мёртвой крови»
несёт без исключенья смерть – тебе и мне…

Чозик закончил конспектировать, влепив многоточие, уткнувшись носом в написанное.

– Немного осталось, – скрестив пальцы и загадочно прищурив правый глаз, сказал дядя Ваня. – Не факт, что появится другой шанс вернуться к нашему тексту.

Из-за отсутствия места строчки заползали на все возможные свободные места бумаги. Иван Тимофеевич приготовился к следующему тяжкому абордажу, а ребята с нетерпением ждали новой загадки. Несколько раз прошептав ее про себя, он начал.

Его не просто так найти,
Он как алмаз прозрачен.
По суше нет к нему пути,
А по воде – опасен.
Как только на рассвете дня
Забрезжит точка в синей глади,
Остынет вмиг вокруг вода
И затвердеет в камень…
Она не в лед заключена —
Частица солнечного ветра.
Страшись горячего огня,
Холодного не бойся спектра…

К поскрипывавшему грифелю теперь добавилось усердное сопение.

– Иван Тимофеевич, ну все-таки где все это искать, а главное, зачем?

– Запомните. – Иван Тимофеевич посмотрел на всех пронизывающим взглядом. – Жизнь полна необъяснимых случайностей. Вы идете в лес отдохнуть, а в итоге оказываетесь в круговороте невероятно опасных событий. Иногда нужно просто оглянуться, как если бы вы искали грибы… Не бойтесь идти по одному месту дважды, взгляните на все по-новому… Со второго раза можно подметить то, что в конечном итоге и будет выходом или даже спасет вам жизнь. Поверьте, вы обязательно окажетесь там, где нужно, но лишь тогда, когда это будет можно. Главное, на этом пути не потерять себя.

Адик, как губка впитывавший каждое слово, вдруг произнес:

– А если отгадка хранится в самой фотографии? Вы рассматривали ее очень пристально и явно приметили то, что искали.

– Да ну?! – хитро ответил Иван Тимофеевич, по-прежнему оставаясь в своих технических очках.

Он развернул карточку.

– Ничто не укроется от твоих зорких глаз, парень. Секрет для разбирающихся в технике действительно есть. Я сначала не поверил глазам. Стал крутить снимок, не фотомонтаж ли, не подделка какая. Нет, это бумага их… фрицев! Знаете ли вы марки мотоциклов, производимых Германией во время Великой Отечественной войны?

Ответом было молчание, ребята только покачали головами.

– Ничего страшного, я помогу.

Он улыбнулся, и кожа, как пергаментная, собралась в складку, блеснув на скулах.

– Логотип, который можно разобрать на мотоцикле, однозначно указывает на фирму «Цюндапп», организованную в Нюрнберге еще в далеком 1917 году.

Он посмотрел на ребят. Четыре пары глаз снова наполнились любопытством.

– В те времена они еще работали совместно с оружейной компанией «Крупп». Такое название фирма обрела после слияния двух немецких слов «*взрыватели и аппаратура*». К тому времени еще требовалось обширное производство взрывателей для снарядов. Но после подписания Версальского договора, поставившего на колени Германию, все промышленное производство военной техники было запрещено и свернуто. **«Цюндер унд Аппаратенбау»** стал пробовать свои силы в производстве мотоциклов. Линейки мотоциклетной техники имели высокую доступность для населения и пользовались большим уважением у немцев. Все в этом мотоцикле производилось одной фирмой. Немецкая техническая мысль не стояла на месте, и фактически к началу войны фирма выпускала мощнейшие на тот момент мотоциклы, даже с карданным валом! Это была прекрасная модель К800! После войны производство мотоциклов уже не требовало такой мощности, и «Цюндапп» стал производить мопеды и другую моторку. Пробовал даже машины. Жаль, но к вашему 1984 году производство полностью прекратилось, а фирма перестала существовать, не пережив конкуренции с Японией. Мотоциклы были настолько хороши и продуманы благодаря взаимному замещению некоторых агрегатов с мотоциклами БМВ, что это, конечно, сильно облегчало ремонт и тех, и других в боевых условиях.

– Так в чем же фокус-покус? – спросил Дуся, предвкушая кульминацию.

– А фокус в том, что такую модель мотоцикла «Цюндапп» никогда не выпускал даже в прототипе! Поверьте мне, за время войны пришлось почти на всех «немцах» поездить.

– Модели «1200NS» не существует! – И он снова поднес увеличительное стекло к фотографии. – Есть одно предположение по поводу букв, но об этом пока рано… Во-первых, резко укороченный одиночный глушитель, вот здесь, позади правой ноги. Считайте, что его вообще нет. Во-вторых, изменилась фара головного освещения. Такое ощущение, что она уже и не ламповая вовсе. Оружие, установленное на коляске, хоть и скрыто за молодым человеком, никак не могло быть выпущено на войне. Оно не огнестрельное. Покрышка переднего колеса и литой диск с автоподкачкой. И, наконец, – бак! С таким запасом вы проедете десять-пятнадцать километров! Кроме того, он же прямоугольный! Вы видели, чтобы бензобак открывался, как чемодан? Я могу попробовать объяснить все эти технические приемы… но это время для вас еще не пришло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.